

Гело Никамрубис

Крики прошлого

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Часть II

18+

Гело Никамрубис
Крики прошлого. Часть II

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Никамрубис Г.

Крики прошлого. Часть II / Г. Никамрубис — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Виктор возвращается домой, чтобы вскоре вступить в права наследства. С ним возвращается и его девушка Кристина, но в первую же ночь у Виктора случается конфликт со своей сестрой, после чего Ксения покидает родной дом. Борис Сергеевич, не способный заглушить жажду мести, полностью теряет контроль над своей жизнью, сокрушая все на своем пути. Каждый из героев следует своим идеалам и не подозревает о том, что их направляет таинственный кукловод, крепко держащий их судьбы на коротком поводке. Содержит нецензурную брань.

Глава I

Возвращение.

Ночь. Больница. Палата сына Виктора Романовича Кротова. Медсестра Мария еще долгое время ожидала появления Виктора и, конечно, беспокоилась о нем. По его телефонному разговору девушка поняла, что речь шла о Кристине, возлюбленной мужчины, но, судя по его реакции и всему его виду, это были недобрые вести. Задержавшись еще недолго, наутро Маша все-таки отправилась к себе домой, чтобы немного отдохнуть и выспаться, сохраняя надежду повстречать встревоженного Виктора на следующий день.

Следуя привычным маршрутом, девушка не замечала ничего нового. Москва – творение огромное, местами мрачное, где-то прекрасное и утонченное, но главное – указывающее, непременно доказывающее отдельный, уникальный путь цивилизации людей, что творили историю, отпечатанную миллионами рук в многогранной, столь разнообразной архитектуре. По этой дороге она ходила уже не один год и успела отлично запомнить не только городские пейзажи, но и лица людей, что она встречала каждый день по пути домой. И все было по-старому: все те же раздосадованные физиономии не выспавшихся людей, что идут туда, не зная, зачем и, вообще, для чего они встают по утрам. А по некоторым было видно, что им не ведомо, для чего они еще и засыпают. Но в этот раз она повстречала совсем новое лицо, на котором отчетливо читалось что-то неведомое ей. Проходя мимо старинного мужского монастыря, Мария увидела в нем пожилого мужчину, смиренно метущего двор, несмотря на то, что под влиянием осени деревья неустанно сбрасывали свои уставшие за год листья. Ему было абсолютно все равно, что деревья прямо-таки откровенно насмехались над его работой. Судя по его взгляду, ему многое было все равно. Старичок на вид лет семидесяти с абсолютно белой, длинной, «мудрой» бородой не смотрел на прохожих, но его уставший взгляд, в котором откровенно читались грусть и раскаяние, все-таки задержался на ней. Мария даже остановилась и смотрела так же на пожилого мужчину. Незнакомец прекратил свою работу и, судя по его виду, хотел что-то ей сказать. Некоторое время девушка еще словно пыталась прочесть его мысли, а после направилась к входу монастыря, чтобы уже открыто спросить, что тревожит пожилого мужчину. Но как только она направилась навстречу, старик резко отвел взгляд и направился вовнутрь. Так как женщинам запрещено входить на территорию, Мария, не смотря на усталость, еще около десяти минут стояла в ожидании, что старичок все-таки выйдет к ней, хоть у нее и не было ясности, зачем. Так и не дождавшись, девушка продолжила свой путь домой, думая, что завтра она все-таки встретит этого мужчину снова и они смогут поговорить. Ведь по своему обыкновению девушка была уверена, что ему непременно нужна помощь. Старичок же словно провинившийся и перепуганный мальчишка стоял за дверью и дрожащим голосом неразборчиво бормотал: "Родное сердце... мое родное сердце...". И по его щеке скатилась слеза.

Добравшись до своей комнаты в коммунальной квартире, Мария все никак не могла забыть пожилого мужчину, а переживания на счет Виктора и вовсе перебили весь сон. Девушка была в странном, но знакомом каждому состоянии: с одной стороны, она устала за ночь, и организм требовал сон, а с другой же, она чувствовала бодрость в сознании от навязчивых мыслей и переживаний. В итоге девушка все-таки смогла заснуть, и сон ее был крепок.

Проспав около пяти часов, Мария проснулась и сразу же приступила собираться обратно в больницу, не смотря на то, что сегодня был ее заслуженный выходной. В тот день было прохладно. Осень уже окончательно победила лето, мегаполис погрузился в серые краски, тучи затянули небо, и дул прохладный ветерок. Добравшись до места работы, Мария никого не удивила своим появлением в нерабочий день, так как все уже привыкли к ее странноватому поведению и, как многие считали, избыточной, даже навязчивой доброте. Ее коллеги в большинстве своем считали, что часто можно, и даже нужно, помогать людям, просто оставляя их в покое. К счастью для одних и несчастью для других, Мария не разделяла, как она считала, эти

трусливые взгляды и считала, что ввиду современного менталитета и устоев общества помощь нужно не предлагать, а оказывать. И для этого, что вовсе не странно, нужна определенная смелость, решительность и вера как в себя, так и в свое дело.

Узнав, что Виктор Романович не появлялся со вчерашней ночи, девушка отправилась в палату его сына. Побыв немного с ним, Мария вдруг вспомнила о вчерашнем незнакомце. Через некоторое время девушка решила, что если не вернется Виктор, то она отправится к монастырю и попытается еще раз встретиться с опечаленным мужчиной. Виктор не появлялся, и она себя корила за глупость, потому как до сих пор не взяла его номер телефона. Конечно, она могла его узнать из больничной карты его сына, но это для нее было грубостью и даже бестактностью – звонить человеку без его разрешения или без крайне веской на то причины. Через два часа, уже ближе к вечеру, Мария направилась к монастырю. Быстро добравшись до места, как и ожидала, она там никого не обнаружила. Только опавшие листья в небольшом дворике, что еще утром старательно выметал старик. Мария подошла ко входу и принялась просто ждать. Через минут десять она стала замерзать. Походив еще минут двадцать туда-сюда по кругу, она не увидела никого во дворике обители. Решив все-таки подождать еще немного, девушка услышала знакомый голос.

– Маша? Что ты здесь делаешь? – спросил появившийся не пойми откуда, на вид сильно уставший Виктор. Девушка была удивлена его появлением и не смогла сразу сказать и слова.

– Ох, прости, что даже не поздоровался. Просто не ожидал тебя здесь встретить, – исправился мужчина.

– Здравствуй, Виктор, – еще немного растерянно отвечала Мария. – Да я просто хотела здесь кое с кем встретиться, но он, похоже, этого не хочет. Ну да ладно... Что вчера произошло? Расскажешь?

– Конечно, Маша, я все тебе расскажу, но давай по порядку...

– Но ты хоть скажи, все ли с ней хорошо? – не дав закончить, перебила девушка. Виктор догадался, что Маша поняла, о ком был вчерашний телефонный разговор.

– Нет, совсем не хорошо. Кристина сейчас в лечебнице и вчера... – не закончив предложение, Виктор замолчал на несколько длинных мгновений. – Давай я тебе все расскажу, но по порядку, хорошо? Так и тебе будет более ясно, и мне будет проще.

– Да, конечно, как тебе будет удобно и... извини за мои глупые вопросы, – сказала девушка, пряча глаза. – А что ты здесь делаешь? – быстро спросила Мария, пытаясь скорее уйти от недавней темы.

– Просто решил пройтись пешком, чтобы разбавить мысли и немного успокоиться. Ладно, я иду к сыну, а у тебя, кажется, сегодня выходной?

– Если ты не против, то я хотела бы отправиться с тобой, – решительно, но мягко спросила девушка-медсестра, а после согласия Виктора они отправились в больницу, не задавая больше вопросов, чтобы позволить друг другу собраться с мыслями. В это время из-за небольшого окошка каменной стены монастыря за ними наблюдал пожилой мужчина. Он был испуган, и вид его был весьма растерян.

– Не бойся за нее, брат мой, – сказал другой подошедший постоялец священной обители. – Страх – от лукавого, и негоже нам ему подчиняться. С нашими молитвами они справятся – верь в это.

– Да, брат, ты прав, – ответил старичок, но страх свой все же побороть не сумел.

Добравшись до палаты Кротова-младшего, Мария оставила Виктора наедине с сыном. Перед этим девушка предложила Виктору обменяться номерами телефонов и попросила позвонить ей, если он захочет поговорить или просто увидеться с ней.

Стоило Марии только выпить чашечку кофе в соседней кофейне, как ей позвонил Виктор и попросил к нему прийти.

Какое-то время Виктор все никак не мог собраться с мыслями, но позже он все-таки сумел начать рассказ, повествуя о своем долгожданном и столь желанном, но тайном для себя самом возвращении домой...

Удивительно, но человек, долгое время скитавшийся, блуждавший по миру вне дома, каким бы взрослым или пусть даже старым он не был, перед возвращением будет трепетать, как невинное дитя. Все предрассудки и нелепости нашего мира, такие, как гордость, зависть, мнимые обиды и прочие «прелести» нашего характера, улечучиваются – человек становится чист и смиренен. Именно в это мгновение приходят понимание тленности большинства пороков и осознание того, что все же дом, в самом главном понимании – семья, есть самое ценное, самое нужное в жизни любого человека.

Встав перед дверью, Виктор со своей избранницей Кристиной одновременно выдохнули, и наш герой позвонил в дверной звонок. Чувства радости от предстоящей встречи перемешивались со стыдом и неуверенностью, словно Виктор встречался не со своей семьей, а с абсолютно чужими, далекими ему людьми. Что он им скажет? Как они его встретят? Ожидание продлилось недолго, и уже спустя двадцать секунд дверь открыл Геннадий Юрьевич – друг и юрист семейства.

– Добрый вечер, молодые люди! – расправив руки и, как обычно, широко улыбаясь, поприветствовал он гостей. – Кристина, я очень рад, что и Вы решили присоединиться к нашему вечеру! – абсолютно не удивляясь появлению девушки, радушно приветствовал мужчину.

– Здравствуйте, – словно школьники, они хором поздоровались с ним в ответ.

– Ну что стоите, проходите! Ужин вот-вот будет готов.

Сделав шаг вперед, они оказались внутри. Виктор непроизвольно взял Кристину за руку, чтобы таким образом ее поддержать, ведь ей было тоже нелегко сюда приходиться, может, даже

тяжелее, нежели ему. Впервые за всю жизнь Виктор увидел Геннадия не в деловом костюме, а в обычных джинсах и легком свитере, что его немало удивило. Пройдя прихожую, они оказались в гостиной, где уже был накрыт стол, во главе которого сидела Надежда Алексеевна. Мимолетного взгляда сына было достаточно, чтобы заметить, как же сильно постарела его родная мать. Прошло ведь не так много времени, но Надежда Алексеевна теперь уже не выглядела такой, какой ее запомнил Виктор. Она коротко остригла волосы, ее ранее совсем незаметные морщинки углубились, и, ко всему прочему, она сильно прибавила в весе. У Виктора даже мелькнула мысль, что его мама теперь уж очень стала похожа на добродушную деревенскую женщину Клавдию Васильевну, что за весьма короткий срок стала ему родной. Платочка только на голове не хватало. Но все эти изменения ни как не могли не пробудить в нем с новой силой любовь к своей матери. От нахлынувших чувств молодой человек опешил и не посмел двинуться с места. Надежда Алексеевна, увидев сына, сразу поднялась со стула и словно замерла, не отводя глаз от Виктора. Он же, невольно открыв рот, прошептал «мама», через мгновение уже чуть ли не бежал к ней. Весь страх и неуверенность испарились, когда он обнял родного человека.

– Сынок, родненький... ну наконец-то ты вернулся, – сквозь слезы тихонько говорила женщина, прижимая к себе блудного сына. – Как мы все переживали... Ты дома... Теперь ты дома.

Виктор так же не смог удержать слез и так же негромко наговаривал:

– Мама, мамочка, прости... Я так люблю тебя. Я просто не хотел причинять вам зла... Прости! – лепетал он, целуя ее руки.

– Витя! – раздался звонкий голос Ксюши, и через секунду она уже тоже подключилась к семейным объятиям, прижимая к себе младшего брата и так же пуская слезы радости, после чего не в силах и дальше стоять, все втроем они упали на колени, не отпуская друг друга. Так и стояли они некоторое время, а Кристина с Геннадием не смели нарушать их единение и лишь тихонько наблюдали со стороны, получая от этого умиление и радость за близких людей. Сложно сказать, сколько бы продолжалась семейная сцена, если бы молодой человек Ксюши не внес свою лепту в эту для них историческую встречу.

– Как это мило, я так за вас счастлив! – звонким, почти писклявым голосом прозвенел Антоша, а после подбежал и нарушил семейную идиллию своими объятиями. Такой поступок, мягко говоря, удивил и отрезвил всех, кроме Ксюши, судя по выражению лица Геннадия Юрьевича, который, наблюдая за этим, раздался звонким смехом. Вытерев слезы, Виктор взглянул на парня и ощутил ту же неприязнь, что и при первой их встрече, а тот же набросился на него с объятиями, словно родной брат или, по первым мыслям Кротова, как долго дожидавшийся хозяина пес. Виктор аккуратно и даже деликатно отодвинул от себя женственного парня и взглядел его получше. Хоть прыщи с его лица и пропали, выглядел он все так же по-детски и совсем уж несерьезно. К слову сказать, на нем все так же была красная бабочка, что придавала его внешнему виду еще большую комичность. Хоть он был и не приятен ему, Виктор все же протянул руку из вежливости и коротко поздоровался.

– А это мой Антоша, помнишь его? – представила сестра своего ухажера.

«Антоша!» – подумал про себя Виктор, а сказал, что помнит и лишь вежливо улыбнулся. «Ну, в конце концов, это ее выбор, и, раз уж они до сих пор вместе, значит, он не так уж плох. Хотя, возможно, моя сестра просто дурочка» – закончил он мысль и посмотрел на Кристину, что бы и ее представить родным, прежде всего, маме.

– О, здравствуй, Кристина! Честно, не ожидала тебя увидеть, но как же здорово, что я ошибалась, – опередила Виктора сестра и быстрым шагом отправилась к Кристине. Виктор же не мог понять, что звучало в ее голосе: действительно, радость или театрализованная насмешка? Подойдя ближе, Ксюша взяла Кристину за руки и тихонько сказала. – Я знала, что ты не бросишь Витьку! Особенно, когда он вернется домой. – На устах Ксении пропала улыбка, а Кристина же не стала ничего отвечать, лишь скромно улыбнулась. – Ну, давайте к столу! Не

зря же я весь вечер готовила! – задорно сказала Ксюша и, не отпуская руку Кристины, отправилась к столу.

Вскоре уже все сидели за ужином. Геннадий встал и спешно покинул стол, но быстро вернулся с бутылкой вина.

– Такой вечер просто необходимо отметить! – сказал он, открывая бутылку. – Ксюша, ужин вышел великолепным, – услышав это, юная хозяйка высоко задрала свой маленький носик, получая удовольствие от заслуженной похвалы.

– Сынок, я надеюсь, больше ты не покинешь родной дом? – вопросительно посмотрев, обратилась мать к сыну.

– Я... – неуверенно начал Виктор. – Для меня будет счастьем остаться.

– Вот и замечательно. Тогда нам не стоит больше сегодня поднимать эту тему, а потом, когда все к этому будут готовы, мы и поговорим. Если, конечно, ты вообще захочешь это обсуждать, ведь иначе вернулся бы до того, как тебя нашел Гена. Но это все сейчас не важно, теперь вся наша семья в сборе, и хватит нам всем уже страдать. Теперь мы будем радоваться друг другу, – сказала женщина, поднимая бокал с вином. – Ведь вы – это все, что у меня есть, мое сокровище, – закончила женщина, приготовившись выпить.

– Только... – перебивая тост, сказал Виктор. – Только я хочу попросить разрешения оставить со мной и Кристину. Все люди обернулись сначала на девушку, а потом и на Надежду Алексеевну, ожидая, что она скажет. Саму Кристину эта просьба ошеломила и смутила – она явно была не готова к этому, но продолжала молчать.

– Ну, конечно, я не против, сынок. Дом у нас большой – всем места хватит! – сделав паузу, женщина продолжила. – Только у меня есть условие! – и снова все уставились на хозяйку в ожидании. – Ночевать вы будете раздельно!

– Конечно, мама, – согласился Виктор, а после, улыбаясь, посмотрел на сидящую рядом Кристину, ожидая от нее какой-нибудь реакции. Он понимал, что, возможно, поступил неправильно, спросив о таком, не посоветовавшись с ней, однако, считал, что поступил правильно, взяв инициативу с ответственностью на себя. Кристина, взглянув в его глаза, улыбнулась и провела ладонью по его руке. Хоть ей было и не просто, но она была не против.

– Ну, думаю, ни для кого не секрет, что мы с Ксюшечкой – пара, – постучав по бокалу маленьким ножичком так же звонко, как и хрусталь стакана, сказал Антон. – И я хочу всем вам заявить, что прошу руки у Ксюши, – повернувшись к Ксении, молодой человек вышел из-за стола и, встав на одно колено, обратился только к ней. – Любимочка моя, ты выйдешь за меня замуж? – и, как по волшебству, в его руке оказалось маленькое, тоненькое колечко. Ксюша резко прислонила ладони к лицу, потом громко и звонко закричала от радости так, что Виктор немного испугался за свои барабанные перепонки, ведь она сидела рядом с ним.

– Конечно, конечно, хороший мой! Я буду твоей женой! – сказав, она выхватила у него кольцо и принялась целовать его в щеки.

– Поздравляю вас, дети мои, – сказала мама, для которой это, в принципе, было не новостью. – Ну, нам вам тоже есть, что рассказать, – все переключили внимание с молодых на уже зрелых людей. – Мы с Геннадием Юрьевичем тоже решили жить вместе уже официально. Новость постояльцев не шокировала, так как Геннадий уже долгое время проживал в их доме, но Виктор этого знать не мог, поэтому он был просто ошарашен. Ксюша с Антоном принялись поздравлять, а Кротов и не знал, что думать. С одной стороны, размышлял Виктор, Геннадий был прекрасным человеком, и маме он желал только всего самого хорошего, но, с другой стороны, как же отец? Так и сидел он в раздумьях, пока не поймал на себе вопросительный взгляд мамы, трепетно ожидающей от него хоть чего-нибудь.

– Я... очень рад за вас и поздравляю, – медленно проговорил Виктор, рассеяно переключая взгляд то на мать, то на Геннадия, и поздравления его были неискренними. Виктор не мог

понять, как его мать оставила память об отце и стала женщиной чужого мужчины. – Но для меня это так неожиданно...

– Мы понимаем, – сказал Геннадий, взяв за руку рядом сидящую Надежду. – Пока тебя не было, я всячески поддерживал твою маму с Ксюшей, и в итоге все вот так вот вышло. Не думай, я не пытаюсь заменить твоего папу и понимаю, что он всегда будет номер один, но если что, ты всегда можешь на меня рассчитывать! Знай и помни об этом, – закончив, некогда юрист, а теперь уже, судя по всему, член семьи смотрел на Виктора в ожидании одобрения. Виктор же, переполненный противоречивыми мыслями, которые только Бог мог бы разобрать, собравшись, кивнул своему будущему отчиму.

– Ну, прям как камень с души! – сказал Геннадий. – Честно признаться, я взволнован, как мальчишка. Давайте выпьем, в юности мне это помогало. Никто не возражал, и даже Виктор, немного придя в себя, смог выдавить из себя улыбку. Вечер продлился до глубокой ночи, а после, вдоволь наговорившись, все разошлись спать по разным комнатам, так как мамин принцип – до свадьбы вместе не ночевать – уважали все. Геннадий был удивлен, когда Надежда Алексеевна сообщила ему, что к нему это тоже относится, ведь правила одни для всех, но возражать, конечно же, не стал.

Глава II

Неловкий момент.

В эту ночь Виктор не мог уснуть. Переполненный сантиментами, простой и одновременно настолько прекрасной радостью от возвращения в его жизнь самых родных и близких людей, а также шокированный внезапной для него новостью, он просто не мог спать. К тому же, в его голове зародился вопрос, не дающий ему покоя. Вопрос этот, конечно, был связан с Кристиной. Он решил не откладывать дело в долгий ящик и этой же ночью отправился к ней, не смотря на запрет матери. Тихонько, как мышка, пробрался он через весь дом к комнате, где спала его ненаглядная и столь долгожданная. Аккуратно постучав в дверь, Виктор, не дождавшись ответа, решил зайти в комнату без спроса, где он застал Кристину не спящую, а, напротив, в бодрости, одетую и сидящую прямо напротив двери. Она явно была в ожидании чего-то. Или кого-то.

– Ах, как хорошо, что это ты! – сказала она взволнованным голосом.

– Что с тобой? Почему ты не спишь? Что происходит? – с нарастающим волнением поинтересовался Виктор, подойдя совсем близко к девушке.

– Это Антон, жених твоей сестры. Он как-то очень странно на меня смотрел за ужином, а после я услышала, как что-то шумело за дверью. Замок на двери сломан, поэтому я просто сидела и ждала. Как я рада, что ты пришел, – закончив, она обняла его и положила голову на его плечо.

– Мне он тоже с самого первого дня не понравился. Завтра я с ним обязательно поговорю, а ты ничего не бойся, я с тобой.

– А почему ты пришел?

– А ты не рада меня видеть?

– Рада, конечно, рада, – в свете от яркой полной луны кожа девушки отдавала серебром и придавала ей образ маленькой феи из волшебной сказки. – Но твоя мама ведь запретила.

– Ничего страшного. Мне уже ведь 23 года как-никак. Тем более, я думаю, она это сказала больше из чувства такта, нежели из принципа. Не уверен, что она прогонит меня, если увидит здесь. Думаю, она даже в комнату не войдет. Но я пришел, в самом деле, не просто так, – юноша сделал паузу, тщательно перебирая мысли в голове.

– Говори, я все пойму. Ты можешь мне доверять, и я совсем не кусаюсь, – девушка понимала, что Виктор все же немного её смущается, ведь она испытывала то же самое по отноше-

нию к нему, но все же она была в себе более уверена. Девушка знала себе цену и понимала, что природа ее щедро одарила физическими данными. Это всегда придавало женщине дополнительную уверенность в себе.

– Я и не знаю, с чего начать, – чтобы немного успокоиться, парень перевел взгляд с девушки на луну и продолжил. – Однажды, в очередной раз взглянув на луну, я вдруг понял, что испытываю те же чувства, что и в детстве. Это как раз то, что не меняется со временем, здесь нет инфляции души. А чувства эти связаны с тем, что мне кажется, будто бы луна смотрит на меня одного. Из всего нашего мира только я для нее важен, и она смотрит именно на меня, будто бы пытаюсь мне в чем-то признаться, что-то такое сказать, что в корне изменит всю мою жизнь. Хочет, но не может, от того и грустная такая, – Виктор снова стал смотреть на Кристину, прислонив ладонь к ее лицу. – И вот я сейчас смотрю на тебя, словно спутник Земной, и чувствую, что во всей вселенной есть только ты, только тебя я вижу, и только ты мне нужна. И я хочу тебе сказать об очень важном, о том, что, действительно, изменит наши жизни.

Девушка терпеливо слушала, не произнося ни слова, чтобы не сбить своего ненаглядного. Хоть они уже признались друг другу в любви, она начинала догадываться, к чему клонит Виктор, и сердце ее забилося быстрее.

– Кристина, я прошу тебя стать моей женой, – медленно, проговаривая каждое слово, сказал Виктор и продолжил уже намного быстрее, чуть ли не заговариваясь. – Я понимаю, что мы только сегодня снова встретились, что прошло много времени, да и до этого-то недолго были вместе, да и вместе-то мы не были, но я уверен, что всю жизнь искал и ждал только тебя! А еще у меня нет даже такого колечка, как у Антона, но это... – видимо, устав выслушивать оправдания, девушка ладонью закрыла рот юноши и тихонько сказала заветное «да». Услышав «правильный» ответ, Виктор поцеловал девушку, а после они вместе негромко засмеялись. Через какое-то время блаженства Виктор решил посоветоваться с Кристиной.

– Что ты думаешь на счет Геннадия Юрьевича и моей мамы? Прости, что задаю такой вопрос, но он не дает мне покоя и...

– Я понимаю, и не нужно извиняться, – перебила девушка. – Конечно, для тебя это непросто, но ты должен понять свою маму. Она не предала память твоего отца, и Геннадий Юрьевич не сделал ничего подлого. Он ведь был другом твоего отца, и, уверена, что твой папа одобрил бы их решение.

– Но прошло ведь так мало времени... я, честно, не знаю.

– Разве мало времени прошло? Твоего папы не стало, не стало твоих братьев, и ты пропал. Да я уверена, что только благодаря Геннадию Юрьевичу и твоей сестре твоя мама не лишилась рассудка от горя. Ты должен быть ему благодарен, что он был рядом в такое трудное время, а не обижаться на него.

– Знаешь, – немного подумав, стал отвечать Виктор, – мне в голову пришла очень нехорошая мысль. Что если Геннадий как-то вмешался в убийство отца, чтобы таким образом сойтись потом с моей мамой?

– Витя, ну это ты уже слишком загнул! Тебе пришлось многое пережить, но нельзя так терять веру в людей и видеть только плохое. Тебе просто нужно немного времени, чтобы привыкнуть и снова вспомнить, что люди – это не только боль, зло и разочарование.

– Да, ты, наверное, права – это я уже слишком. Но я не могу вот так вот просто это принять. Это выше моих сил.

– Дай себе время, и все обрзумится. Я обещаю.

Стараясь поверить Кристине, Виктор отбросил от себя подозрительные, разъедающие его мысли, и стал наслаждаться обществом девушки. Так и провели они несколько часов, рассказывая друг другу о своих жизнях, о своих чувствах и переживаниях. Теперь каждый из них говорил только о хорошем, ведь никому из них не хотелось хоть чем-то испортить столь прекрасную ночь. Эта ночь принадлежала только им и она должна была быть наполнена только

счастьем, радостью и любовью. Застав вместе рассвет и собравшись уже уходить, Виктор услышал шорох за дверью. Жестом, показав Кристине, чтобы та вела себя тихо, он встал и на цыпочках подошел к двери, прислушиваясь к шуму. Недолго так постояв под дверью, Виктор резко открыл ее наружу и во что-то уперся. Выйдя из комнаты, он обнаружил на полу Антона, который был лишь в нижнем белье. Одной рукой жених Ксении держался за лоб, который, видимо, пострадал от удара дверью, а вторая рука находилась под нижним бельем. Догадавшись, что шорох Кристине ночью не показался, и, поняв в чем дело, Виктор набросился на парня с криками и кулаками.

– Ты что здесь делаешь, придурок!? Больной извращенец! – яростно кричал Виктор, подтверждая каждое слово ударом в лицо Антона.

– А-а-а-а, спасите! Помогите! Ксюша помоги! – звонким голосом звал на помощь молодой человек. На шум сбежались все обитатели дома. Геннадий Юрьевич, первым добравшись до них, с трудом оттащил разъяренного Виктора. Следом подбежала Ксюша и принялась успокаивать своего жениха, который весь в слезах и с разбитым носом сразу принялся жаловаться девушке.

– Он набросился на меня! Он бил меня! Я просил его «не надо, пожалуйста», но он, как с цепи сорвался! Прогони его, Ксюшечка, прогони!

– Да что с тобой, Витя!? Ты что себе позволяешь? – гневно обратилась сестра к брату.

– Да он подглядывал за Кристиной! Я застукал его! Отойди от него, не прикасайся к этой мрази! – Виктор попытался подойти и вырвать сестру из объятий Антона, но Геннадий был начеку и усилил хватку.

– Это правда! – встала Кристина на защиту Виктора. – Он вчера весь вечер на меня смотрел и странно улыбался.

– Да что с вами? Он очень вежливый и воспитанный мальчик! – не утихала сестра, потихоньку впадая в истерику. – Он страдает лунатизмом!

– Да, да! – поддакивал Антон. – Страдаю!

– Мама несколько раз его встречала под своей дверью и провожала до кровати!

– А, может, он и за мамой подглядывал?! Убери от нее свои руки! – не успокаивался Виктор.

– Да ты дурак! Зачем ты вообще вернулся?! – в сердцах воскликнула Ксюша со слезами на глазах, тем самым ранив Виктора до самой глубины души. Он не узнавал свою сестренку, которая всегда и при любых обстоятельствах вставала на его сторону. Слова, как нож, вонзились в его сердце, и Виктор практически повис на руках у Геннадия.

– Так, тихо! – властно приказала Надежда Алексеевна. – Что здесь происходит?

– Мама, Витя сошел с ума! – первой ответила Ксения.

– Да-да, мама, он избил меня! – подхватил Антон, эмоционально указывая на разбитый нос.

– Витя, это правда? – обратилась мать к сыну.

– Да, но... – не дав объясниться, мать продолжила.

– Сынок, в нашем доме нет места насилию. Ты должен был сперва поговорить и во всем разобраться!

– Но...

– Никаких «но»! Немедленно извинись перед Антоном! – стояла на своем Надежда Алексеевна.

Сделав глубокий вдох и пытаясь хоть немного успокоиться, Виктор медленно и сдержанно ответил.

– Я не стану перед ним извиняться. Единственное, я прошу прощения, что своими действиями разбудил всех вас, и вы стали свидетелями этого происшествия. А еще, при всем ува-

жении, я не смогу находиться в одном доме с этим извращенцем и настаиваю, чтобы он проваливал отсюда.

– Ты здесь не хозяин, и нет у тебя права прогонять его! – прокричала сестра, но Виктор, не обращая внимания на ее высказывания, продолжил.

– Он был в ясном уме и занимался... да мне даже стыдно говорить, что он делал!

– Тихо, тихо, ребятки. Не нужно делать громких заявлений. Давайте все сейчас разойдемся и успокоимся, а после, как взрослые цивилизованные люди, все обсудим. Ну, что скажите? – предложил Геннадий, аккуратно отпуская Виктора.

– Нечего здесь обсуждать! – звонко ответила Ксения. – Пусть просит прощения!

– Да-да! Проси прощения. Я человек добрый и прощу тебя, – подхватил Антон и незаметно для всех подмигнул Виктору, вскользь улыбнувшись ему, давая понять, что он здесь хозяин положения.

– Этому не бывать! – уверенно ответил Виктор, и в этот момент к нему подошла Кристина, сказав.

– Это моя вина, – Виктор посмотрел на девушку, но от удивления не стал ее перебивать. – Вечером я пожаловалась Вите на шум в коридоре, и он, видимо, переживая за меня, разнервничался и поэтому набросился на Антона. Антон, прости нас и не обижайся, пожалуйста, – сказала девушка, пряча ото всех глаза.

– Ну, так-то лучше, – ответил побитый. – Я прощаю вас, – растянуто закончил он, плавно жестикулируя ладонью.

– Ну, всё! Все расходитесь и продолжайте спать. Раз уж мы все решили, завтра мы не станем возвращаться к этому глупому недоразумению, и все будут делать вид, что ничего и не было, – сказала хозяйка дома, развернулась и отправилась в свои покои. Вслед за ней отправилась Ксюша, поддерживая хромающего и скулящего женишка.

– Витя, пойдем в мою комнату и поговорим, – неожиданно предложил Геннадий Юрьевич. – Не переживай, я не стану читать тебе лекции, и, скажу по секрету, я на твоей стороне, – сказав, Геннадий приобнял Виктора и направил его в сторону своей гостевой комнаты. Виктор, взглянув на Кристину, прочитал по ее губам «прости», посмотрел, как она удаляется в свою комнату, и отправился с Геннадием на разговор.

Дойдя до нужного места, Геннадий сразу преступил к делу.

– Знаешь, я бы на твоем месте поступил так же.

– Вы мне верите? – неуверенно спросил Виктор.

– Конечно! Мне этот Антон самому до жути не нравится. Уж больно он скользкий тип. Тем более я юрист, и у меня нюх на подобных людей. Вот только знаешь, в чем твоя ошибка? Ты поддался эмоциям. Женщины к нему привыкли, и, видишь, как он себя показывает? Весь такой жалостливый, чуть что, так сразу в слезы! Я ведь заметил, как он смеялся над тобой. Он играет на чувствах женщин. Ужасно подлый человек. И тебя он специально провоцировал, чтобы ты был жестоким в глазах мамы и сестры. Тебе нельзя было поддаваться на провокацию. Но, повторяюсь, я бы поступил так же.

– Раз уж Вы видите его насквозь и понимаете в чем дело, почему говорите, что поступили бы так же? – удивленно спросил Виктор.

– Понимать и делать – разные вещи. Никогда не поверю, что ты столь глуп и сам не раскусил этого Антошу. Конечно, раскусил, по глазам вижу. Но поступил же иначе! Так и все люди. Думаем одно, делаем другое... И особенно часто делаем другое, когда это происходит непременно не в нашу пользу. Всяк человек превращается в бесстрашного фанатика, готового натворить шуму, когда понимает, что справедливость-то на его стороне. Но как же часто эта жажда справедливости затмевает разум, и мы уже не можем распознать, видят ли эту справедливость окружающие, чувствуют ли ее и, в конце-то концов, на нашей ли стороне эта изменчивая женщина – справедливость.

– Так если Вы тоже его не любите, почему не прогоните его? Почему не огородите Ксюшу от него?

– Понимаешь, не все так просто. Ксюша испытывает к нему чувства, а сегодня она согласилась выйти за него замуж. Она просто не поверит никаким доводам, и, если пытаться открыть ей глаза, то она просто не поймет и не поверит. А мы тем самым только отдалим ее от себя. Да, к тому же, я не ее отец... Я пытался намекнуть твоей маме, что он не пара Ксюше, но она сказала, что какой бы он ни был, Ксюша любит его, и мы не вправе за нее решать.

– И что Вы предлагаете делать? Просто наблюдать со стороны? Любящий человек не станет подглядывать за чужой девушкой!

– Да, ты прав. Этот парень любит только себя, но нам остается только наблюдать и надеяться, что Ксюша вскоре все поймет сама.

– Но у них будет свадьба!

– Тем все сложнее. Пойми же, если ты будешь что-то объяснить ей, она все будет воспринимать в штыки, и, тем более, после сегодняшнего, она отвернется от тебя. Понимаю, это очень сложно, но такова жизнь. Увы, влюбленные люди слепы и просто не могут видеть очевидные вещи. От себя могу лишь пообещать, что я еще раз поговорю с твоей мамой, постараюсь убедить ее и помогу увидеть, что за человек этот Антон.

– Я и не знаю, что сказать... Папа смог бы все решить. Он обязательно бы что-нибудь придумал.

– Не сомневаюсь. Рома был очень мудрым человеком... мне тоже его не хватает.

После этого мужчины замолчали, и каждый обдумывал сказанные слова. Для Виктора этот разговор был просто необходим, ведь теперь он, не без помощи Кристины, практически поверил Геннадию Юрьевичу и принял его. Вспомнив о своих подозрениях в причастности Геннадия к смерти отца, Виктор ощутил стыд.

– Знаете, я до сих пор не верю, что их нет. И дом стал такой пустой... Такое ощущение, что они просто уехали куда-то далеко, но вскоре вернуться, и все будет по-старому. Я просто не могу принять, что больше не увижу их. Никогда... Я так любил их... – с трудом договорил Виктор.

– Я понимаю тебя, – тихо ответил Геннадий, положив руку на плечо молодого человека. – Но ты неправильно говоришь. Ты не любил их, а любишь до сих пор, ведь ты помнишь их. И правильно, что не веришь, что их нет, ведь они есть в наших сердцах, в нашей памяти, в наших душах. Вот скажи, они снились тебе?

– Постоянно, особенно папа.

– Ну, неужели ты думаешь, что сон – это просто так? Нет, это они приходили к тебе. Уверен, что они утешали тебя, успокаивали, верно?

– Да, а как Вы?..

– Так мне тоже они снились и Ксюше, и твоей маме! Запомни, Витя, они всегда рядом и всегда помогут тебе! Верь в это! – Виктор неуверенно кивнул, находясь в смешанных чувствах. Он никак не ожидал такого разговора от Геннадия и, хоть немного смущаясь, все же был очень рад, что разговору было суждено состояться. Мужчина и впрямь утешил и помог Виктору с его болезненным вопросом.

– Знаете, я завтра же пойду и извинюсь перед Ксюшей. Она ведь не виновата... что влюбилась в этого осла. Наверное, не виновата.

– Это правильное решение. Ты стал мудрее и очень повзрослел. Твой папа, непременно, гордится тобой. Но это еще не все, о чем я хотел с тобой поговорить, – Виктор вопросительно взглянул на Геннадия и принялся терпеливо ждать. – Дело в завещании. Так вышло, что все достается тебе. То есть ты практически полноправный хозяин бизнес империи, денег, недвижимости и этого дома в частности. Правда, есть оговорка, что вступить в свои права ты сможешь только после 25 лет, а пока всем управляю я.

– Это...

– Неожиданно, правда?

– Но почему я? Ведь Юра был и старше, и намного умнее меня.

– Да, так и есть. Все дело в том, что твой папа устроил некую монархию. То есть после его смерти все перешло Юре, но его и Димы не стало, а, так как ты последний мужчина с фамилией Кротов, все переходит тебе. Твой папа был уверен, что поступает правильно, оставляя все одному человеку, а не устраивая дележку. Ведь он верил в каждого из вас и знал, что все вы люди достойные и не обманите родных, – «Последний, фамилия, Кристина, возвращение домой» – перебирал мысли Виктор. Все, как говорил Филипп. Он все знал. Но как? Виктор решил завтра же все узнать у Филиппа напрямую.

– А почему именно 25 лет?

– Завещание было составлено давно, когда вы все еще были маленькими. Твой папа был очень влиятельным и обеспеченным бизнесменом, поэтому он предусмотрительно составил завещание заранее. Он считал, что мальчик полностью душой, телом и разумом становится мужчиной в 25. Он знал это по себе и думал, что у всех в этом возрасте проходит максимализм и приходят прагматизм, способность трезво оценивать свои возможности, а также четкое знание того, что тебе нужно. Завтра же мы можем поехать в мой офис и подготовить все бумаги. Вижу, для тебя это новость? Понимаю, ну ничего, отправляйся спать, а в обед я заеду за тобой.

– Хорошо, – ответил Виктор и отправился спать, но не к себе, а к своей Кристине.

Дойдя до спальни девушки, Виктор обнаружил, что Кристина дожидается его.

– Зачем ты попросила у него прощения? Зачем ты унижаешься перед ним? – сразу спросил юноша.

– Извини, что пошла против тебя, но я хотела, как лучше. Понимаешь, если бы ты продолжил стоять на своем, ты бы только разругался с мамой и сестрой, которых только заново приобрел. – «Они что, сговорились что ли?» – мелькнуло в голове Виктора. – Антон уже давно здесь живет, он для них, как родной, стал, а ты только сегодня появился за три года, и им очень сложно принять твою сторону. Принять тебя против парня, которого они видят каждый день. Поэтому я решила, что нет смысла стоять на своем. Ведь спор стоит не с чужими для тебя людьми, и ничего, что мне пришлось сделать то, чего не хотелось. Да, пусть я унизилась перед Антоном, но не перед тобой. И, тем более, не перед собой! А твоя мама, я уверена, скоро тоже все поймет. Ей просто нужно время, чтобы привыкнуть, осознать, кто есть ты и кто этот Антон, – внимательно выслушав каждое ее слово, Виктор успокоился и ответил.

– Я тебя понимаю, но ты не должна приносить себя в жертву ради меня. С родными я разберусь, мы же семья, мы сможем понять друг друга. Да и мне гораздо проще самому пережить неприятность, чем видеть тебя в неловком свете и, уж тем более, в страдании.

– Страдания за любимого человека – для меня только в радость.

– Но я тебя все же прошу впредь не заступаться за меня. Для меня самого это, так сказать, неловко. Ведь я мужчина, а ты девушка...

– А ты будешь за меня заступаться?

– Конечно.

– Тогда почему просишь меня не делать того же? Ты мужчина, и тебе проще пережить физическую боль, но душой же ты чувствуешь так же. Так что не проси меня не разделять твоих душевных страданий. На это я не соглашусь никогда, иначе, в чем смысл того, что я люблю тебя?

Выслушав доводы девушки, Виктор все же смог принять их и признал, что она была права. Ведь если он любит ее и готов на все ради нее, почему того же самого нельзя ожидать от нее? Почему это нужно запрещать? Только потому, что она девушка? Но где сказано, что девушка должна любить меньше? В очередной раз порадовавшись, что она есть у него, он все подробно рассказал о его разговоре с Геннадием.

– Это не самая лучшая новость, – огорченно сообщила Кристина.

– Ну почему же?

– Как ты не понимаешь? Большая власть, большие деньги – это большая ответственность и самоотдача. То, чем владеешь ты, владеет тобой. Сейчас ты не можешь представить, но когда ты втянешься и начнешь все понимать в бизнесе, у тебя просто не будет времени на простые житейские радости, такие, как вечерние прогулки, разговоры ни о чем, ты уже не сможешь проваляться в постели до обеда, у тебя не будет времени даже на мечтания. Ты просто не сможешь понимать эти не хитрые радости, ведь они не сулят прибыли. А со временем... – девушка прекратила говорить, будто бы боясь сглазить.

– Что со временем?

– В конце концов, ты потеряешь интерес к семье, ко мне. Останется лишь привычка и чувство долга в лучшем случае. Богатые люди – несчастные люди.

– Глупая, я никогда не потеряю к тебе интерес. Не стоит даже думать об этом! К тому же, мой папа – пример. Он никогда не переставал любить нас.

– Да, не сомневаюсь, что не переставал, но ты много чего помнишь из детства? Достаточно ли вы проводили времени вместе? Да и, к тому же, был бы твой папа обычным человеком, может ничего бы и не произошло с ним? – Кристина понимала, что говорит лишнее, но остановиться уже не могла. – Был бы ты обычным парнем, ты бы и не познакомился с Егором.

– Но тогда бы и мы не встретились. Не нужно думать, что и как могло бы быть. Все есть, как есть, и все к лучшему. Иначе никак. А теперь давай хоть немного поспим, завтра у нас много дел, и я хочу тебя кое с кем познакомить.

– С кем же?

– А вот завтра узнаешь. Не все же сразу.

Нехотя, девушка согласилась дожидаться сюрприза до завтра, и они легли спать, обнимая друг друга, чувствуя, что пока они вместе, пока они есть друг у друга, весь мир не сможет их сломать. Весь мир принадлежал только им.

Проснувшись и увидев рядом с собой спящую любимую девушку, Виктор в очередной раз возрадовался, что вчерашний день – все же не сон. Полежав в кровати еще пару минут, он встал и направился на поиски сестры, чтобы извиниться за вчерашний инцидент и попытаться нормализовать их отношения, но, к своему разочарованию, ни её, ни Антона не было дома. Тогда он отправился к маме, чтобы извиниться хотя бы перед ней. Мама выслушала его и ласково сказала, что не о чем беспокоиться. Что она сама виновата, ведь спросонья была крайне категорична и недостаточно мягка по отношению к нему. Слушая ее, Виктор почувствовал, как пропала та незначительная обида на мать, что вчера все же засела в его сердце. Еще Надежда Алексеевна рассказала, что Ксюша с Антоном вообще не ложились спать, а сразу же собрали вещи и уехали жить отдельно в квартиру молодого человека. Конечно, тот факт, что этот мерзкий Антон будет жить с его сестрой, да еще и в его квартире, Кротова совсем не обрадовал, но, стараясь быть тактичным, виду он не подал. К тому же, мама поведала, что тоже совсем не рада от того, что Ксюша будет теперь жить отдельно; уж больно она еще молода и не готова к самостоятельной жизни, тем более, с Антоном, которому нужно общество не девушки, а все еще мамы. Слушая ее, Виктор заметил, что мама за это время сильно постарела, очевидно, потеря мужа и сыновей не прошла для нее бесследно. И снова Виктор ощутил укол вины за свою глупую идею оставить их, ведь будь он дома, то смог бы хоть немного, ну хоть самую малость, утешить родную маму. Вскоре к ним присоединилась и Кристина, а затем приехал Геннадий. После коротких приветствий, он предложил Виктору отправиться с ним в его офис для изучения документов о скором вступлении юноши в свои права. Виктор хотел, чтобы Кристина поехала с ним, но мама попросила ее остаться, чтобы они могли поближе познакомиться и немного посекретничать по-женски. Нехотя Виктор согласился, хоть и хотел, чтобы в такой день Кристина была рядом. Хотя, собственно, он хотел, чтобы она была всегда рядом.

– А мы сможем заехать в одно место? Здесь не далеко, – садясь в машину, спросил Виктор.

– Конечно, куда ехать?

– Я покажу.

Добравшись до места, Виктор услышал знакомый голос.

– Постой, паровоз, не стучите колеса... – напевал хмельным голосом Николай, колющий дрова во дворе.

– Здравствуйте, дядя Коля! – громко поприветствовал Виктор, отвлекая мужчину от работы.

– Витя? Витька, ты вернулся! – бросив топор, мужчина спешно направился навстречу молодому человеку.

Крепко пожав руки, Виктор с чувством обнял мужчину, не обращая внимания на неприятный запах. Геннадий Юрьевич наблюдал все со стороны и не хотел вмешиваться.

– Вот, как и обещал, приехал вернуть должок, – сказал с улыбкой Виктор.

– Да брось ты, пацан, какой еще должок! – отвечал Николай. – Знаешь, тут такое дело... в общем, я пропил твои часы, что ты оставлял. Прости меня, дурака старого! – пряча глаза руками, жалостливо продолжал Николай.

– Да забудьте о них – Вы мне тогда жизнь спасли, и никакими часами я не смогу с вами расплатиться.

– Но я ведь говорил, что не нужно их оставлять, я ведь предупреждал, что я слабый человек, – оправдывался мужчина.

– Уверяю, все хорошо, и я не держу зла, – неуверенно ответил Виктор, ведь этот разговор был с Клавдией Васильевной, а не с ее супругом.

– А кто это там с тобой, – Николай указал пальцем на скромно стоящего Геннадия.

– Это мой друг и будущий отчим, – с гордостью в голосе ответил Виктор. – Геннадий, подойдите, познакомьтесь. Этот человек приютил меня в трудное время и всячески поддерживал.

– Приятно познакомиться, и спасибо Вам за оказанную помощь мальчику, – отвечал Геннадий Юрьевич.

– И мне приятно, – щурясь и пытаясь получше разглядеть мужчину, ответил Николай. – А если ты друг такой, чего тогда к себе Витьку не взял? Он же, как беспризорник был! – только Геннадий, было, пытался сказать что-либо в свое оправдание, за него ответил Виктор.

– Дядя Коля, не нужно обижать Геннадия. Я сам тогда сбежал, заставив и его переживать. Он бы никогда меня не прогнал, если бы я пришел.

– А я говорил тебе, глупый мальчишка, что не чего тебе бродяжничать!

– А где Клавдия Васильевна? – переводя тему, спросил Виктор.

– Чего? В смысле? – непонимающе спрашивал Николай.

– Ну, супруга Ваша, она на рынке сейчас?

– Пацан, ты чего несешь? Клавушка моя умерла.

– Что?!

– Дак пятнадцать лет уж как.

– Как это, не может быть! – отвечал Виктор. – Вы что, так шутите? Геннадий понятия не имел, что происходит, но вмешиваться не хотел.

– Витька, ты чего?

– Так я же с ней виделся! – начиная злиться, бросил Виктор и спешно отправился в дом.

Войдя внутрь, Виктор ощутил, как от воспоминаний у него подкосились ноги. Все было почти так же, как он и запомнил, за исключением горы грязной посуды в раковине. Пройдя по комнатам, Виктор не обнаружил и следа Клавдии Васильевны. Нигде не было женских вещей, не было порядка, и в целом создавался вид холостяцкой берлоги.

Выйдя из дома, Виктор обнаружил мужчин на том же месте. Они молча смотрели на него с недоумевающим видом.

– Но я ведь был с ней на рынке... мы с ней много разговаривали... это что, розыгрыш? Вы ведь разыгрываете меня?

– Витенька, ну ты чего, это ты со мной стоял на рынке. Это я всегда был с тобой, ты чего, мальчик? Ты меня пугаешь, – отвечал Николай.

– Да не может быть! И часы я оставлял Клавдии Васильевне, когда просил денег.

– Ты мне их оставлял, и деньги я тебе давал. Я их у соседа Митьки занимал тогда... до сих пор не отдал.

– Нет, это уже не смешно! Хватит издеваться! – гневно крикнул Кротов.

– Пойдем-ка со мной, пацан.

Виктор был возмущен, но все же последовал за мужчиной. Пройдя около трех километров, они и Геннадий Юрьевич прибыли на кладбище.

– Вот, это моя милая Клавушка, – указывая на фотографию на надгробной плите, сказал Николай.

Глядя на фотографию женщины, Виктор ощутил смятение. Он не узнавал эту женщину, она была совершенно не похожа на ту, что он помнил. Кротов стоял и не находил слов.

– Я ведь и пить начал после ее смерти – никак не мог заставить себя смириться... Это ты с ней ходил работать на рынке? – без издевки спрашивал Николай.

– Нет... Я впервые вижу эту женщину.

– Ну, я же говорю, пацан, ты только со мной и виделся за время, когда здесь жил. Ты со мной ходил на рынок, мы ходили в баню, а познакомились, когда ты врезал мне булыжником по морде, помнишь?

– Помню... Ладно, давайте возвращаться, – предложил Виктор.

Возвращались мужчины молча, и ни Геннадий, ни Николай не хотели ничего спрашивать у Виктора. Они оба поняли, что парню нужно все обдумать.

– Я хочу вас с Клавдией... Вас пригласить к себе домой.

– Прошу прощения... – начал, было, говорить будущий отчим, но Виктор сразу же пресек его.

– Я понимаю, Геннадий. Но, раз уж я теперь хозяин дома, то разве я не имею права нанять человека к себе на службу? Или у нас недостаточно для этого денег? – мужчина замолчал, улыбнувшись в ответ. – Дядя Коля, пожалуйста, не отказывайтесь. Вам нужно будет следить за хозяйством в доме. Со своей стороны я гарантирую вам уважение и достойную оплату вашего труда.

– Ну, я и не знаю даже. Витенька, ну зачем я тебе, старый алкоголик, нужен? Да и я толком ничего не умею.

– Вы отлично подготавливаете баню, а наша, кстати, уже очень давно стоит без дела.

– Ну да, баньку я люблю, но вот так вот уехать из дома... – ответил Николай.

– Завтра я к вам снова приеду в это же время, а пока подумайте и, пожалуйста, не отказывайте мне. Я очень скучал по Вас!

– Ну, хорошо, Витенька, давай завтра и поговорим.

– Нам пора! До завтра дядя Коля! – уходя, сказал Виктор и покинул двор, что некоторое время был его домом. Геннадий с Николаем крепко пожали руки и кивнули друг другу.

– Витя, ты не хочешь поговорить со мной? – мягко предложил Геннадий.

– Нет, не хочу.

– Если что, у меня есть знакомый, очень хороший доктор...

– Я прошу Вас, давайте не будем об этом вспоминать.

После Кротов с верным наставником отправились в главный офис его компании, где Виктор подписал все документы, даже не читая их. На удивление Геннадия, который спросил, почему Виктор не проверяет все лично, парень сказал, что доверяет ему полностью и не собирается оскорблять верного друга своими подозрениями. На это растроганный мужчина поклялся, что никогда не обманет юного Кротова и сделает все, чтобы приумножить наследие его отца, но так же он строго рекомендовал все же перечитывать бумаги, которые юноша подписывал. Вернувшись домой, Виктор встретил своего четвероногого приятеля, который, скуля, приветствовал своего хозяина.

– Боська! Ну, конечно, я не забыл про тебя! Прости, я завтра собирался тебя забрать!

Удивленный и немного испугавшийся огромного пса Геннадий, не стал вдаваться в расспросы, а лишь подумал, что мальчик еще не раз его удивит.

За ужином Виктор рассказал матери и Геннадии о своем предложении Кристине, но удивленным оказался только Геннадий, так как за весь день маминых расспросов Кристина выложила абсолютно все о себе. Надежда Алексеевна думала, что хорошо разбиралась в людях и возражать не стала, а, напротив, дала свое благословление, уверенная в правоте своих действий.

– Папа был бы счастлив за вас, – сказала растроганная женщина и пустила слезу толи радости, толи грусти. – И твоя мама бы – тоже.

Также Виктор рассказал и о его приглашении Николая на работу, предварительно сказав о том, как он у него гостил и как мужчина был к нему добр. Это и был сюрприз для Кристины, отложенный еще на один день. О том, что Виктор говорил о Клавдии Васильевне, Кротов договорился с Николаем и Геннадием держать в секрете.

Спустя некоторое время Надежда с Геннадием отлучились для обсуждения состояния дел и оставили молодых наедине, а те, утомившись за день и не выспавшись, вскоре отправились на отдых. Изначально – каждый в свою комнату, а после Виктор снова в тайне пробрался к своей будущей жене.

Находясь рядом с ней, лежа в одной постели, Виктор совсем не страдал от навязчивых мыслей переспать с девушкой. Не потому, что она его не привлекала, и не от того, что он был в себе не уверен, просто он думал, что это может испортить все волшебство их единения. Ведь они, в самом деле, только сошлись, и он считал, что нельзя вот так вот торопить события. Да и духовное наслаждение, которое он испытывал в ее обществе, в принципе, на данном этапе не нуждались в плотских дополнениях. Все и так было идеально. Немногим позже Виктор все же рассказал о Клавдии Васильевне Кристине, делаясь своими переживаниями, касательно его психического здоровья. Кристина мягко ответила, что для переживаний нет причин, что Виктор после пережитого слишком скучал по матери, и на этом фоне ему стала мерещиться заботливая женщина. Выслушав, Виктор немного успокоился, но думать об этом не перестал.

Отходя ко сну, молодой человек думал о Филиппе и о том, что ему нужно об очень многом ему рассказать и поблагодарить друга. Ведь если бы не он, Виктор бы, в лучшем случае, сошел с ума. Хотя, окончательно убедившись, что происходящие – не сон, Виктор подумал о том, что он просто тронулся, и все вокруг – лишь плод его воображения. Что за нелепость, ведь все так реально; он просто не может свыкнуться с тем, что жизнь его все-таки налаживается, и он может быть счастлив. Он имеет право быть счастливым.

Глава III

Кто здесь главный?

Хоть Борис Сергеевич практически не покидал своего дома, он был в курсе всего, что происходило вокруг и могло затрагивать его интересы. В число таких интересов, безусловно, входила и жизнь Виктора. Хотя после конфликта с обладателем таинственного голоса Борис уже не столько жаждал мести, сколько испытывал страх от возможности подчиниться существу. Более того, теперь Борис Сергеевич уже не знал, что ему нужно и как ему поступать дальше. Конечно, не простил и ввиду своего характера он не мог так скоро простить Виктора, однако, как думал бизнесмен, будь у него выбор, он бы оставил парня в покое. Но мужчина старался держать эти мысли глубоко в сознании, дабы таинственная тварь не узнала о них. С того страшного вечера, когда невидимая тварь подняла Бориса Сергеевича в воздух и чуть не убила его, мужчину словно подменили. Конечно, он никак не подавал виду, но с того дня он был ужасно напуган, и страх разъедал его изнутри. Некогда бесстрашный и бескомпромиссный мужчина теперь боялся даже думать о том, что могло бы не понравиться «голосу». С того вечера Борис Сергеевич стал подневольным своих мыслей. А если человек не может даже думать свободно, то он превращается в раба. Да, с того рокового вечера Борис Сергеевич заклеил себя своими страхами, стал похож на подневольного, беспомощного и весьма жалкого раба. И даже не смотря на то, что голос по несколько раз в день навещался к Борису Сергеевичу и никогда больше не проявлял тени агрессии или враждебности, цепи страха сковывали мужчину, как и в роковой вечер.

– Почему ты перестал выходить из своего дома? – прозвучало в голове Бориса Сергеевича, и это не было для него неожиданностью, так как в моменты отсутствия мужчина не пере-

ставал готовиться к очередному визиту существа. Вся его жизнь теперь делилась на общение с обладателем голоса, выполнение его указов и ожидание очередного его появления.

– Зачем мне выходить из дома? – вслух ответил Борис Сергеевич.

– Так жизни радоваться же! И ты не боишься, что о тебе начнут шептаться люди, мол, ты здесь с ума сошел, затворником стал? Да и ты же очень видная персона, тебе нужно руководить бизнесом и судьбами людей!

– Бизнесом уже давно руководишь ты. Я лишь видная фигура, как ты выразился, которую люди знают и еще пока боятся. А что они там могут обо мне думать, мне совсем не интересно. Я выше их суждений, выше их представлений, и плевать я хотел на домыслы идиотов.

– Знаешь, твои размышления навеяли меня на мысль, – отвечал дружелюбным тоном таинственный голос. – Шутка прям. Вот представь себе свинью – тварь, способную сожрать, что угодно. Вот прямо-таки что угодно, начиная от травки из твоего сада да каких-нибудь злаковых и заканчивая кусками бетона и себе подобными. Прямо такая машина по пожиранию и перевариванию. А ирония в том, что, в конце концов, она сама становится едой. Вот ты как та свинья – ты можешь сожрать и переварить все без разбору, будь это проблемы, задачи, враги или же друзья. Все ты сожрешь целиком! Но каков итог? М?

– Если я свинья, как ты говоришь, то кто же ты? – уже зная ответ, спросил Борис Сергеевич.

– А я фермер... и мясник. Но прошу, смилуйся и не вешай ярлыков. Ведь творя на ваш лад зло, я творю добро. Ведь вы не меньшее зло, чем я, и я лишь сохраняю баланс в природе, – и спустя несколько секунд, как бы невзначай, добавил, – да и конкуренция мне ни к чему. Ну да ладно, оставим философию, ведь у нас есть несовершенные дела. Я тебе уже говорил, что Виктор вернулся домой, где ему так рада его мать...

– Что? – как будто не расслышав, переспросил Борис Сергеевич. Уловив эмоции мужчины, существо переменяло тон на более игривый и задористый.

– Да-да, ты прекрасно понял, что я хочу тебе сказать. Люблю я твою смышленность. Вот с полуслова все понимаешь! Завтра же вызывай свою собаку и прикажи ему отправить счастливую вдову к своему мужу.

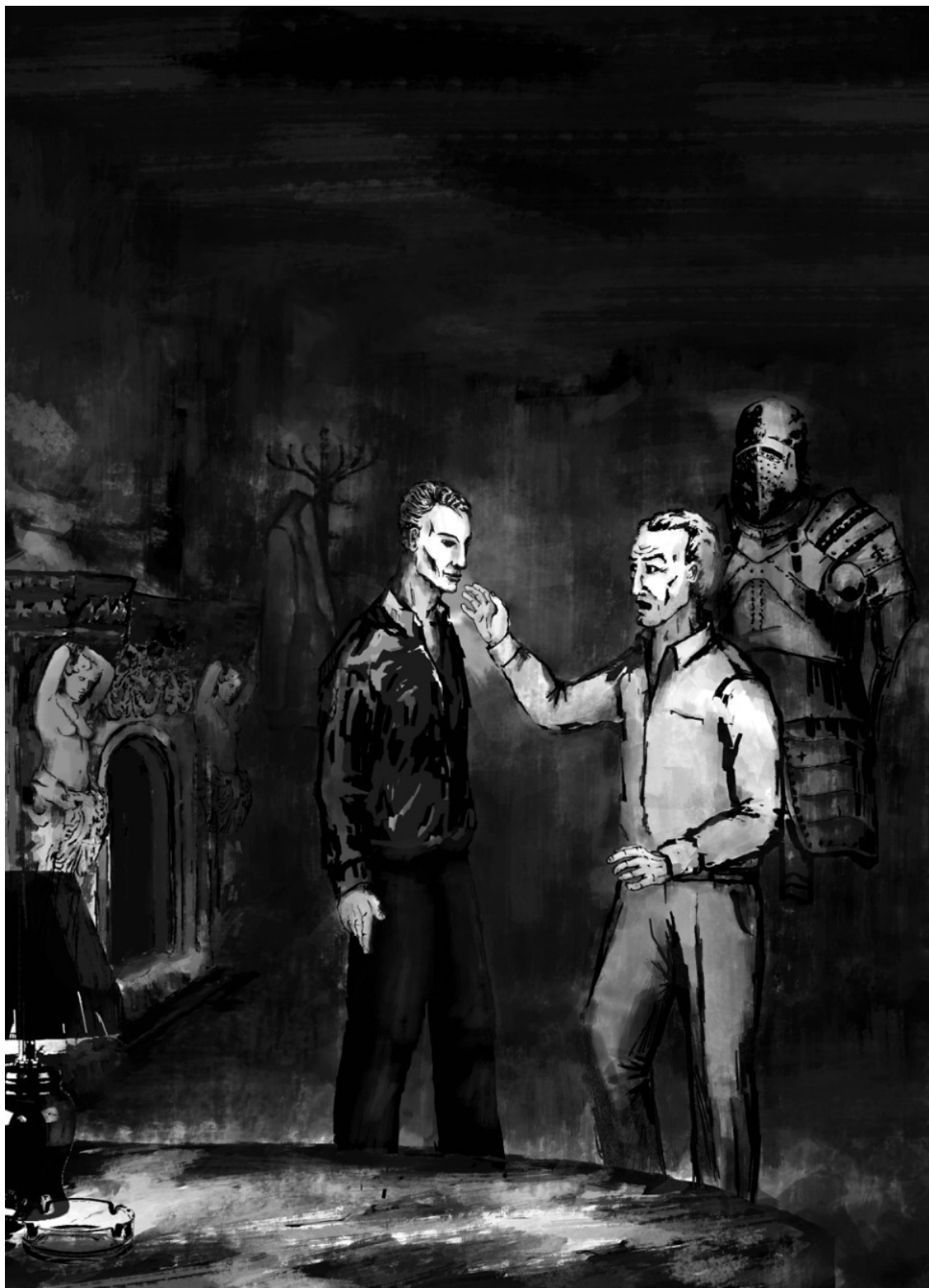
– Это даже для меня слишком... я не хочу просто так убивать его мать, – склонив голову, говорил Борис Сергеевич.

– Ну, не хочешь просто так, прикажи своему псу убить ее как-нибудь оригинально, как-нибудь с задоринкой!

– Да что же ты за существо такое?! Ну, в самом же деле...

– Ты действительно так хочешь знать? – не дав закончить, перебил голос. Не дожидаясь ответа человека, существо продолжило. – Ну, ты же стал мне так близок и дорог, что я тебе скажу, кто я. Я хочу, но не могу, я смотрю, но не вижу, я желаю, но отвергаю. Я есть парадокс. И забавно, мне ведь почти ничего не нужно. Даже то, что я жажду, я могу просто забыть. Или сделать вид, или же просто заставить себя так думать. Что это? Трусость? Слабость? Моя личная никчемность? Собственная неотъемлемая часть меня. Та, что старается, пытается себя уничтожить, но боится исчезновения самой себя. И вот так я существую. В своем собственном сумасшествии. Сам все вижу, сам все понимаю, осознаю, но не стараюсь избавиться от всего этого для тебя невыносимого. Более того, и не желаю. Я есть тот «Идиот», тот, кто жаждет зла, но творит добро, тот, кто ищет ответа на извечный вопрос «быть или не быть?», я есть пустота, заполняющая сущность бытия, я творю, уничтожая, я создаю то, что сам разрушил, я тысячи лиц, миллионы мыслей; миллиарды жизней проживают во мне, хоть я сам не могу свершить и одной, я есть ничто, которое заполняет все. Чем меня назвать? Чем меня считать? Что я?.. Кто я?.. Для тебя же я Велик, а для вселенной – лишь мгновение. Посмотри мне в глаза, – как по волшебству, из ниоткуда перед Борисом предстала пара огненно-желтых глаз, в центре которых находились абсолютно черные, бездонные зрачки, в которых, Борис мог поклясться, что,

кроме пустоты, видел и безграничный страх. Словно две маленькие черные дыры из космоса, которые оберегали трехсторонние веки, как у кошки. Затем глаза стали приобретать вполне нормальный, человеческий вид. После из пустоты от этих глаз стали прорисовываться очертания человека, судя по одежде, из далекого-далекого прошлого. Через мгновение перед Борисом уже стоял мужчина средних лет с длинными светлыми и грязными волосами, голубыми глазами, с небольшой горбинкой на носу и тонкими губами. Но не успел Двардов как следует разглядеть его, как перед ним образ человека стал меняться, и рядом уже стоял аристократ древнего Рима. Борис Сергеевич узнал в нем великого императора Юлия. Через секунду перед ним предстал египетский фараон, а далее: китайский философ в пестрых шелковых нарядах, ничем не примечательная деревенская старушка, доблестный крестоносец в тяжелых латах, коварный арабский ассасин, мужчина с огромной золотой короной и шикарной красной мантией, образ классического мушкетера XVII века; некая девушка, возможно, принцесса одной из европейских стран; пожилой морщинистый вождь некоего индейского племени, элегантный джентельмен начала века XX, солдат Османской империи времен Первой мировой, Владимир Ленин, Император Хирохито, Уинстон Черчилль, Бенито Муссолини, Гарри Трумэн, Адольф Гитлер и еще многие-многие другие... С каждым изменением скорость преобразования становилась быстрее и Борису было трудно разглядеть как следует, кто перед ним появлялся, но он замечал среди них влиятельных политиков, бизнесменов, простых работяг и военных, полицейских и проституток, богатых и нищих, молодых и старых, женщин и мужчин, но на последнем фантоме изменения прекратились, и перед ним оказался человек, которого он узнал бы из всех живущих и не живущих. Прямо напротив него, как живой, стоял его сын Егор. Борис не мог поверить в это и уже, было, забыв, кто и что создает эти образы, хотел было дотронуться до него, почувствовать его. На лице Двардова образовалась гримаса умиления и даже блаженства от встречи с родным сыном, но уже через пару секунд он пришел в себя и понял, что это лишь игра того, кто стал для него страшным проклятьем. Резко убрав руку от лица «Егора», Борис хотел было высказать свое возмущение столь подлым поступком существа, как оно продолжило говорить. – Я это вы. Каждый из вас. А вы это я. Ты это я, и, если хочешь понять меня, пойми себя. Загляни в свою душу, и все тайны мироздания станут тебе открыты.

– Это не правда! Ты чудовище! Я не такой! – нервно возражал Борис, пытаясь отвести взгляд, но образ сына прочно засел в голове.

– Неужели? И это говоришь мне ты? Человек, что поимел крупницу власти и сразу возомнил себя вершителем судеб. Достаточно ли ты был милосерден? Прощал ли ты обиды врагам? Хоть раз упустил возможность оторвать кусок чужой жизни, если это сулило тебе выгоду? Нет. А теперь представь, что время для тебя – ничто, что смерть – твоя подруга, вообрази себе власть читать мысли и чують людские страхи. Только подумай, чем бы ты стал, если бы

познал ту мудрость, что имею я? Как бы ты рассуждал, если бы был свидетелем миллиардов жизней, чередом идущих одна за другой, но, по сути, не сильно друг от друга отличающихся? Нет, мой славный дерзкий друг, ты такой же, как и я, просто не достаточно искушен. Вы все такие. Любой достигший хоть малой сомнительной победы над другим, другого за равного себе уже не считает. Стоит вам только получить хотя бы йоту власти, как вы сбрасываете с себя оковы морали и не обременяете себя уже заботой о ближнем, что раньше вам ближнем-то и не был. Стоит глупцу начать зарабатывать немного больше другого такого же глупца, так он уже на голову выше как в своих глазах, так и в обществе, ведь все понимают, что это нормально. Только для вида все играют в игру равенства и братства. Хотя и здесь есть ваш прагматизм. Ведь если ты успешен в своих кругах, всегда есть люди выше. Так что если ты будешь топить в грязи неудачников, рано или поздно неудачника кто-то увидит в тебе. О да, даже в добродетель вы упрятали свою выгоду. Или нет? Сможешь ли ты искренне поверить, что какой-то уличный дворник из соседних земель – тебе брат? Сможешь его возлюбить? Или верховный судья увидит равного в каком-нибудь продавце ненужного хлама? Да хотя бы рядовой сотрудник право-порядка уже себя считает достойней рядового гражданина. А знаешь почему? Потому что он может так считать. Потому что ему позволили так считать, ведь у него есть власть.

– Ты сказал, что можешь забыть то, чего жаждешь. Зачем ты меня тогда мучаешь?

– А кто сказал, что жажду я мучений? Мне нужно совсем другое, но, видимо, получить это я не способен, вот и довольствуюсь меньшим.

– Я не лучший, но есть ведь люди, которых ты не посмеешь звать такими, как ты, – не успокаивался Борис Сергеевич.

– Да, есть. Но главное – кто они в ваших глазах, а не в моих. А для вас они белые вороны, изгой, сумасшедшие, и они не решают ничего! Так что пока есть такие, как ты, и вы правите балом, я всегда буду рядом. Я так и буду восседать на своем троне, получая ваши души в дар за ничемно вами прожитые жизни.

– Ты дьявол, – то ли спрашивая, то ли утверждая, сказал Борис, чувствуя волнение и зачатки паники в своем голосе.

– Корень страха и призрения в основе своей есть обыкновенное невежество. Все непонятное для вас – фундамент негатива. А дьявол я, мой любезный друг, не больше, чем ты. Да и я тебе уже ответил. Кстати, можешь гордиться, далеко не со всеми я столь откровенен. Но ты же мой любимчик, как я могу не побаловать тебя?

– Оставь меня. Пожалуйста, уходи. Прошу тебя! – падая на колени, уже не в силах терпеть слова существа умоляюще говорил Борис. Он уже давно начинал понимать, кем и чем было это существо, но думал, что сможет от него освободиться. Надеялся, что, как только месть его будет исполнена, он избавится от необъяснимого голоса. Верил, что, как и всегда, справится. Но теперь понимал, что план его провалился, и он стал рабом неведомой твари. Твари, что способна сожрать его живьем и целиком. И впервые за всю свою жизнь Борис испугался не за себя, а за свою душу, ведь она была им же добровольно отдана в лапы существа. Он догадывался, что за услуги оно спросит с него по полной, но это было раньше, когда существо делало вид, что подчиняется ему, помогает и верно служит. Слишком поздно он понял, что все оказалось ровно наоборот.

– Хочешь ты того или нет, моя воля будет исполнена. Хотя, когда-то это была и твоя воля тоже, и это именно ты несешь ответственность. Ведь не в моем сердце это зародилось. А то, что ты размяк и из титана превращаешься в трухлявый пень, положение твое не исправит. Так что, как всегда, у тебя есть выбор: лицеизреть исполнение нашего плана и получать удовольствие, либо винить себя, кусая локти от своего бессилия, но итог один – я свершу задуманное. Подумай пока, а у меня есть еще дела. Сильные мира сего ждут моего напутствия. Завтра же утром назначь встречу со своей собакой и передай ему мой указ.

Образ молодого сына исчез как из кабинета, так и из головы Бориса. Но в том, что его здесь не было, он был не уверен. Двардов уже и не знал, покидало ли его существо хоть когда-то с момента их знакомства.

Незаметно, к его собственному удивлению, по его щеке Бориса Сергеевича проскользнула слеза. Мужчина не знал, что ему делать дальше и как быть. Внутри него все перевернулось, и он ощутил стыд за свою жизнь. Понимая, что помешать существу он не в силах, Борис выбрал все же второй вариант. Но думая, что сломался, Борис, возможно, впервые в жизни начинал думать правильно.

На следующий день Борис Сергеевич по своему обыкновению находился в своем кабинете. Некогда всегда гладковыбритое лицо мужчины стала покрывать щетина. Время было ранее – 6:54 утра. Через шесть минут к нему должен был явиться Михаил, о встрече с которым они договорились вечером. За долгие годы службы Михаил показал себя крайне пунктуальным, ответственным человеком, и Борис Сергеевич был уверен, что и сегодня он не опоздает. Но что-то его все-таки заставляло раздражаться. Возможно, причиной было давнее пророчество проклятого голоса, которое предвещало предательство Михаила, а, может – предстоящая тема их разговора. Но была и еще одна причина: Борис Сергеевич не был уверен, что таинственный обладатель голоса вообще его когда-либо покидал, поэтому мужчина всегда старался держать свои мысли под контролем, а это, без преувеличения – адский труд. А также Бориса Сергеевича тревожил еще один факт. Тревожил и пугал. Дело в том, что он уже и не был столь кровожаден, и жажда его мести была утолена, однако, боялся он не того, что размяк, а того, что это не понравится голосу. За одну минуту до назначенного времени в дверь постучали.

– Сразу к делу, – без приветствия и не глядя в сторону вошедшего, начал говорить хозяин кабинета, но потом почему-то сделал небольшую паузу. – Я хочу продолжить наше дело. Прошло уже достаточно времени, и, я думаю, настало время внести некоторые изменения в жизни Виктора Кротова.

Михаил не произносил ни слова и ждал, что дальше скажет его хозяин.

– Виктор вернулся домой... – помолчав с полминуты, продолжил хозяин кабинета. – А я не хочу, чтобы дома ему было спокойно.

Михаил продолжал молчать, а Борис Сергеевич закурил и снова начал говорить.

– Пришло время сделать Виктора полным сиротой, – все так же не глядя на своего телохранителя, тихо сказал бизнесмен. – Не должен он в доме своем чувствовать покой.

В воздухе повисла тишина и, казалось, что никто не хотел ее нарушать.

– Я не думаю, что Вам это нужно, – прервал тишину Михаил. – И я прошу Вас, прошу не только как хозяина, но и как... дорогого мне человека отказаться от своей идеи.

– Я не думаю, что тебе нужно думать над этим вопросом, – ответил Борис Сергеевич. – Я думаю и решаю за тебя, а ты слушаешь и выполняешь. Разве здесь есть что-то новое?

– Да, здесь есть что-то новое. Раньше Вы всегда были прагматичны и, в моем понимании, справедливы. Теперь же Вы ведете себя не так, как раньше, – ответил телохранитель.

– Ты не забыл, с кем ты сейчас разговариваешь? Или ты вдруг решил, что ты мне ровня, чтобы давать советы? – направляя свой взор на Михаила, ответил Борис Сергеевич. – И как же я, по-твоему, себя вижу, а?

– Как Ваш сын.

– Да ты, червяк, – медленно поднимаясь из-за стола и упираясь в него кулаками, проговорил Борис Сергеевич. Говорил он негромко, но в его глазах отчетливо виднелся гневный огонек призрения. – Ты понимаешь, что ты мне сейчас говоришь?

– Да, я понимаю и все осознаю. Более того, я уверен, что Вы со мной согласны, но Ваше честолюбие не дает Вам шанса признать это.

– Значит так! Я даю тебе один шанс, всего один, на то, чтобы ты закрыл свой рот, выслушал меня и, радостно виляя хвостом, отправился выполнять мой указ. Тогда, возможно, я

подумаю, закрыть ли глаза на твою дерзость, и сделаю вид, что ничего не было. Ты знаешь, что таких шансов я еще не давал никому, поэтому давай, встал смиренно и всем своим видом проявляй ко мне свое почтение, словно моя породистая собака! – заканчивая речь, Борис Сергеевич тяжело дышал и понимал, что Михаил был прав, а он поступил глупо, так, как, действительно, поступил бы его сын. К своему удивлению, мужчина даже ощутил стыд за свои слова.

– Нет, – кротко ответил начальник безопасности. – Я не стану выполнять Ваш приказ и даже слушать Вас дальше. Я уйду от Вас, Борис Сергеевич, и надеюсь, что Вы сможете найти в себе силы и мудрости изменить свои планы.

Закончив, Михаил развернулся и вышел из кабинета, аккуратно закрыв за собой дверь. Борис Сергеевич словно застыл в своем положении и ни сказал и слова уходящему человеку. Внутри него играло горделивое возмущение с ноткой печали, ведь он действительно уважал Михаила, если не сказать, что любил.

– Тварь, упавшая на колени и не способная этого заметить, понять или хотя бы почувствовать, больше никогда не встанет на ноги. Хотя ты поднимай ее, возвышай и окрыляй. Тварь остается тварью, – спустя минуту раздумий, вслух произнес хозяин кабинета.

– Да что ты такое говоришь, – раздался ненавистный голос. – Ну, мы же оба понимаем, что ты так не считаешь и молвишь, лишь бы меня удовлетворить. К чему весь фарс, мой славный друг?

– В отношении Михаила я сказал то, что посчитал нужным, и сделал я так, как тебе нужно, – ответил Борис Сергеевич.

– Нет, – растянуто ответил голос. – Мне нужно, чтобы ты сам этого хотел, а не лишь покорно выполнял мою волю.

– Я сделал, как ты мне сказал, – раздраженно повторил Борис Сергеевич. – Что тебе еще нужно?

– Пока ничего. Как я и говорил, твой пес бросил тебя, а ты, глупец, мне не верил. Теперь мы будем ждать. Ведь твоя собака отныне, лишь бы тебе насолить, будет охранять Виктора, а пес твой может быть непростой задачей для остальных твоих смердов. Поэтому мы будем ждать. Скоро у Виктора будет свадьба, так пусть малыш порадуетя жизни, привыкнет к ее вкусу, и через пару лет мы нанесем свой удар.

Проводя дома вторую ночь после возвращения, Виктор видел сон, в котором ему снился его отец. Лица Виктор разглядеть не мог, но он понимал, что это он.

– Я рад, что ты, наконец, вернулся домой, – говорил туманный образ человека голосом Романа Кротова.

– Папа?

– Да, сынок. Но теперь ты должен быть сильным и мудрым, чтобы избежать бед, что вскоре могут обрушиться на нашу семью, и тебе нельзя будет просто взять и исчезнуть. Ты мужчина и должен быть им, а не казаться.

– Каких бед, папа? Что должно произойти?

– Я знаю, что ты справишься, – туман стал рассеиваться, а голос становился тише, как будто Виктор отдалялся от образа своего отца. – И помни, я всегда рядом, – последние слова прозвучали практически неслышно, но Виктор смог разглядеть лицо человека, что ему снится. Он узнал в нем Филиппа и проснулся.

Пробудившись, Виктор попытался снова придаться сну, чтобы еще немного поговорить с родным человеком, но у него ничего не вышло. Немного огорченный невозможностью снова увидеться Виктор все же ощущал приятное волнение после столь короткого диалога. Ведь, как сказал Геннадий, сон – это не просто так, и Виктор верил в это, он хотел в это верить. Рядом он обнаружил спящую Кристину, и, аккуратно поцеловав ее в щеку, Виктор отправился в свою комнату. Ведь он не хотел огорчать свою мать пусть даже таким пустяком. В коридоре он обнаружил Геннадия, который сделал вид, что не понимает, откуда идет Виктор.

– Доброе утро, Витя, – широко улыбаясь, поприветствовал мужчина юношу.

– Доброе. Вы уже уходите, так рано?

– Рано? Уже восемь утра, я уже опаздываю. Вскоре тебе придется тоже рано вставать и отправляться со мной на работу. Ведь тебе уже пора втягиваться в семейные дела.

– Да, наверно, – неуверенно и с явной неохотой сказал Кротов, вспоминая разговор с Кристиной. – Вы скоро вернетесь? Я хотел бы попросить Вас съездить со мной за Николаем. Я обещал.

– Да, да, я помню. Постараюсь приехать к 15:00, – уже развернувшись и собравшись уходить, сказал Геннадий Юрьевич, но Виктор его остановил.

– Я давно хотел спросить Вас... почему отца так просто убили? Вы ведь знаете, что он не виноват. Он вообще ни в чем не виноват! – импульсивно говорил Виктор с растерянным видом.

– Да, я уверен до сих пор, что это было именно убийство, а не самооборона надзирателя. Но я ничего не смог сделать и доказать. Мы с моей командой долго и усердно воевали и с надзирателем, и со всей системой... но все безуспешно. В проклятой комнате не было видеокamer, и все, что мы могли предоставить, это аудиозапись, на которой убийца действовал по уставу.

– Но...но...

– Но надзиратель в итоге мертв. Он умер от сердечного приступа не так давно. Понимаю, что это плохое утешение, но все же...

– Нет, – уверенно перебил Виктор. – Это хорошее утешение. Я верю, что Вы сделали все, что могли, и раз уж убийца мертв, пусть он даже и сдох своей смертью, мне от этого все-таки немного легче.

Геннадию Юрьевичу не понравилась реакция Виктора, но он его понимал и никак не мог и не хотел его переубеждать так же, как и читать лекции о морали. Потому что он сам был рад свершившемуся факту.

После они разошлись каждый по своим делам. Так как у Виктора было время до возвращения Геннадия, он решил сегодня же отправиться к Филиппу и все ему рассказать. Поначалу он хотел взять с собой Кристину, но, вспомнив разговор о том, что Филиппа никто не должен видеть, решил отправиться один. Быстро приведя себя в порядок, молодой человек отправился к матери, чтобы предупредить ее о своем отъезде. Выслушав материнские нарекания на тему ненадобности куда-либо ехать, он заверил ее, что все будет в порядке и, вызвав с домашнего телефона «такси», отправился встречать машину. На выходе его встретил пес, который, видимо, собирался отправиться с ним.

– Нет, дружище. Ты должен остаться здесь и охранять дом, как настоящий сторожевой пес! Думаю, тебе это будет не трудно, с твоим-то грозным видом.

Пес ответил громким «гав», радостно завилял тем, что осталось от хвоста, и неуклюже уселся прямо напротив входной двери, давая понять, что задание он понял. Вскоре подъехала машина, и Виктор отправился в путь. Добравшись до места, он надеялся, что Филипп дома, и они смогут поговорить. Ему столько всего нужно было рассказать. Удача не подвела Кротова – он застал Филиппа сидящим на кровати, будто бы тот уже ждал гостя.

– Рад тебя видеть, друг мой, – вставая с кровати, поздоровался Филипп.

– Я тоже очень рад тебя видеть, дружище!

– Вижу, ты в приподнятом духе? А я знал, что прогулка пойдет тебе на пользу.

– Ты не поверишь, сколько всего произошло за эти два дня. В университете я повстречал Кристину, а потом сразу Геннадия – друга моего отца, – Филипп внимательно слушал и искренне радовался успехам друга. – Как ты и говорил, я вернулся домой. И теперь я счастлив! Да я просто не верю, что все это происходит со мной! Но хочу тебя спросить. Как ты узнал?

– Что узнал? – улыбаясь, спросил Филипп, всем своим видом давая понять, что он не понимает, к чему клонит Виктор.

– Ты же знал, что я там встречу Кристину, – не успокаивался Виктор.

– Да брось ты, ну как я мог знать?– не сдавался Филипп.

– Не знаю, вот и спрашиваю! Я точно уверен, что ты знал, что я ее повстречаю. Ведь ты прямо настаивал, чтобы я немедленно отправлялся в университет.

– Так я тебя чуть ли не каждый день выгонял на улицу, чтобы ты хоть немного развеялся. Просто совпадение.

– Не-е-е-т, – с улыбкой протянул Виктор. Хоть он и любил Филиппа, как брата, отставать с допросом от него он был не намерен. – Это не совпадение. Все наследство отца досталось именно мне, потому что я последний мужчина с фамилией Кротов. Все опять, как ты говорил: и о фамилии, и о моем возвращении, и о новой жизни. Что-то очень странное происходит, и я намерен разобраться с тобой, – и без намека на угрозу взволнованным голосом продолжал допрос юноша. – Ты единственный, кто нашел меня у могилы отца. Да и куда ты все время пропадал?

– Слушай, ну не смешно уже. О твоей новой жизни я говорил с уверенностью, потому что считаю, что, когда на хорошего человека сваливается куча проблем, и он их как-то преодолевает, в дальнейшем ему обязательно будет улыбаться удача. Таков закон природы. Всегда так, нужно только верить. И никуда я не исчезаю, просто у меня тоже могут быть дела.

– Какие у тебя могут быть дела, если ты говорил, что не можешь ни с кем видаться. «Эх, Витя-Витя, если бы ты только знал настоящую цену», – подумал про себя Филипп, но продолжал стоять на своем.

– Ну, хотя бы такие, что я могу проводить своих родных? Так же, как не так давно и ты. Витя, ты на радостях, видимо, свихнулся. Ты что мне не веришь? Это же я! Я же доказал, что никогда тебя не предаю и не оставлю. Я всегда с тобой.

Словно молния, память ударила в голову, и Виктор вспомнил о сегодняшнем сне. Рассказав его, Виктор все же решил не делиться с другом предположениями и решил сменить тему. Как и положено друзьям, ребята еще какое-то время поговорили обо всем и не о чем, а после Виктор резко спросил.

– Поехали ко мне? Там ты ни в чем не будешь нуждаться, и никто тебя не станет смущать. Позволь мне отплатить за все то добро, что ты для меня сделал, ведь, если бы не ты, я даже боюсь представить, во что бы я превратился. Да и был бы я жив до сих пор – тоже вопрос.

– Вить, но мы же говорили... – с досадой отвечал Филипп, понимая, что так просто Виктор не отстанет.

– Ну а что? Там тебя никто не будет даже видеть.

– Пойми, дело не только в том, чтобы меня кто-либо не видел. Я дал клятву и не могу ее нарушить.

– Но...

– Без «но». Оставим эту тему, и, я надеюсь, мы больше не станем к ней возвращаться, – сказав это, Филипп отвернулся и отправился в дальний угол комнаты, постоял немного, подумал, а после повернулся и продолжил. – Я останусь здесь, но ты всегда можешь меня навестить. И, кстати, можешь забрать деньги – мне они не нужны.

– Да брось ты. Питаться-то ты чем-то должен. К тому же у меня теперь очень много денег. Правда, я еще толком не разобрался, что с ними делать, но пусть лежат, может, с Кристиной придумаем что-нибудь.

– Хватит взваливать на девушку трудности. Забудь ты уже об этом. Ты и только ты должен решать, правда, посоветовавшись с ней. Ладно. Кстати, тебе уже пора, и купи себе телефон, наконец, а то потеряешься еще и устроишь всем панику.

– Хорошо. Ну что, до свидания, Филипп. Теперь мы будем видаться реже.

– Да скорее бы уже отдохнуть от твоей физиономии, – тайная комната снова наполнилась смехом, а после друзья попрощались, и Виктор сказал напоследок.

– Знай, ты всегда можешь на меня положиться, и мои двери для тебя открыты.

– Знаю и теперь совсем не сомневаюсь.

Покинув некогда родные стены, Виктор находился в смешанных чувствах. Ему не давала покоя мысль о несправедливом положении Филиппа, ведь, по сути, он там, как в тюрьме, сидит именно из-за него. Ну а с дрогой, стороны он возвращался домой к своей Кристине, и этот факт все же разбавлял его тоскливые мысли. Теперь, когда они вместе, ему казалось, что все не так уж страшно в этой жизни и даже проще, чем кажется. Всего-то нужен рядом человек, которого ты любишь, и быть уверенным, что он любит тебя. Добравшись домой, Виктор рассказал любимой о том, куда именно он ездил и обещал взволнованной девушки больше никогда не покидать ее без предупреждения. Вскоре, как обещал, прибыл Геннадий, и они отправились в соседний поселок, где их уже ждал немолодой человек, сидя на чемоданах. Виктор обрадовался, что Николай все-таки принял его предложение, и теперь его дом станет не таким уж и пустым. Но по возвращению его ждали плохие новости.

Пока они были в отъезде, к ним приезжала Ксения, чтобы сообщить о том, что отец Антона завет сына к себе в Лондон, и, конечно, он не против и переезда Ксении. В итоге они, недолго думая, согласились на переезд. Отправиться решили сегодня же, и Ксюша забегала домой, чтобы попрощаться с матерью. Надежда Алексеевна была весьма удивлена и еще больше огорчена данными известиями, поэтому Виктор решил перенести праздничный ужин, который он собирался устроить в честь переезда Николая. К тому же его настроение тоже весьма ухудшилось, ведь то, что его сестра водилась с этим Антоном, и раньше вызывало в нем недовольство, а теперь же, когда она с ним уедет неизвестно куда, аж в другую страну, да еще и не попрощавшись с ним, некогда любимым братом, вводило его в шок. Затем шок прошел, и затаилась в сердце обида.

На следующий день Виктор с Кристиной отправились подавать документы в ЗАГС. Молодой человек спешил, боясь, что что-то может пойти не так, что-то может опять испортиться, он хотел как можно скорее закрепить свое счастье, хоть и думал, что штамп в паспорте – не что иное, как формальность. Однако, этот штамп, как он заверял себя, все же способен помочь его внутреннему состоянию, которое хоть и начинало успокаиваться и приходить в гармонию, все-таки нуждалось в некоем закреплении, жирной точке; оно требовало гарантий, и эти гарантии именно он должен был дать Кристине. Невеста так не спешила, но и не стала возражать. Вместе с ними во дворец бракосочетания отправились и Геннадий с Надеждой. Вторые уж точно никуда ни спешили, но идея провести две свадьбы им показалась неплохой, даже не смотря на отъезд Ксении. К тому же никто из них не хотел пышной, шумной свадьбы, привлекающей много совсем не нужного внимания, поэтому сошлись все на скромном тихом вечере в узком кругу семьи. Увы, Ксения по телефону сообщила матери, что не сможет присутствовать на бракосочетании, но из-за нее одной переносить торжества не стали, хоть Надежда Алексеевна и была изначально так настроена. Со своим братом Ксения даже не захотела говорить, видимо, держа обиду за недавний скандал. Этим поступком она задела братские чувства, затем обида переросла в оскорбление. Однако в защиту девушки нужно сказать, что она через мать все-таки попросила передать свои поздравления.

Ближе к вечеру, когда Виктор находился в комнате у Кристины, в дверь постучал Геннадий Юрьевич и попросил Виктора отойти с ним. Выйдя из комнаты в коридор, Геннадий Юрьевич сообщил, что к юноше пришел некий гость, который попросил с ним личной встречи.

Выйдя на улицу, Виктор обнаружил незнакомого мужчину, который мирно гладил его грозного пса. На вид мужчине было около сорока лет, одет он был в скромные одежды, темно-карие глаза смотрели тяжело и одновременно с грустью, седина на висках выдавала нелегкий жизненный путь, но он все-таки ровно, если не сказать торжественно, держал свою осанку. Подойдя ближе, Виктор приказал псу «место», но тот лишь недовольно фыркнул и отошел буквально на шаг.

– А мы с ним уже подружились, – улыбаясь, сказал незнакомец. Виктор оставил это без внимания и сразу перешел к делу.

– Здравствуйте. Кто Вы, и что Вам от меня нужно?

– Меня зовут майор Андрей Странков. Я пришел поговорить с Вами, – почувствовав настороженность Виктора, майор быстро добавил. – Но я не с официальным визитом.

– Так что же Вам от меня нужно, если Вы не с официальным визитом.

– Я хочу предложить Вам свою помощь.

– Что? Какую еще помощь? В чем? – недоумевал Кротов. – О чем Вы вообще говорите?

– Вам просто необходима моя помощь, так как я знаю, с кем Вы не в ладах. Поверьте мне, в одиночку Вы не справитесь, а я же могу дать слово офицера, что не обману Вас.

– Что бы Вы знали, моего отца тоже убил офицер.

– Я знаю, что убийца Вашего отца носил офицерскую форму, но офицером от этого он не стал. Поверьте, я лично был знаком с капитаном Козловым. Он был моим врагом.

– Я не думаю, что мне нужна Ваша помощь. А теперь я попрошу Вас уйти, – Виктор уже развернулся и собрался уходить, но Андрей Странков не думал заканчивать разговор.

– Я знаю, что Ваш отец никого не убивал.

После этого, Виктор на мгновение замер, затем медленно развернулся к собеседнику и спросил.

– Если Вы считаете, что это я убил Егора, то почему Вы меня не арестовываете?

– Я не сказал, что это Вы убили. А еще я Вас не арестовываю, потому что я тот офицер, который не просто носит свою форму, и я скорее умру, чем изменю себе. Я хочу Вам сказать то, чего никто не знает. Я был тогда, когда умирал Анатолий Козлов. Я видел в его глазах смерть, но я не стал ему помогать, потому что я ненавидел его так же, как и Вы.

Подумав недолго, Виктор решил все-таки выслушать подозрительного мужчину и пригласил его в дом, где они и уединились в его комнате. Конечно, Виктор ему не доверял, но офицер явно многое знал и этим он заинтересовал Кротова. Нужно отметить, что только заинтересовал и ни чуть не напугал, ведь Виктор решил, что, если бы этот Странков желал ему зла, зная, что это именно Виктор убил Егора и других из окружения Двардова, то непременно взял бы его под стражу. Поэтому Виктор принял решение выслушать, что ему мужчина сможет рассказать. И Странков начал рассказывать. Он рассказывал, что он со своим сыном начал расследование после убийства Романа Александровича. Затем он поведал, как они увидели нестыковки в деле отца Виктора, а после нашли на «черном» рынке табельный пистолет, который принадлежал Козлову. Так как Странков давно пытался разоблачить Козлова, и он вел на него неофициальное дело, ему было нетрудно догадаться, что это именно то оружие, которым когда-то владел тогда еще майор Козлов; а так как Роман Кротов никогда не был замечен ни рядом с наркодилером Аркадием, ни с майором Козловым (которые между собой связи имели), офицер сделал вывод, что пистолет достался Аркадию либо его пасынку Филиппу, который либо передал оружие Виктору, либо сам совершил убийство. Но так как мотива у Филиппа не было, Андрей все же склонился к первому варианту. Затем он рассказал о своих догадках на счет того, что Роман Александрович решил взять на себя вину за своего сына и после расплатился за это жизнью.

– Не понимаю, зачем Вы делитесь со мной своими догадками? – внимательно выслушав, спросил Виктор.

– Я ведь говорил, что хочу помочь. Более того, я хочу Вас защитить от того, кто приказал убить Вашего отца и, я уверен, Ваших братьев.

Виктор был в смятении, ведь он понимал, о ком идет речь, а так же от того, что Странков стал первым, кто ему сказал, что смерть Димы и Юры не была несчастным случаем.

– Допустим, я Вам поверю. Но зачем Вам это? Почему?

– Чтобы все объяснить, мне потребуется намного больше времени.

– Тогда начните сейчас же, – посоветовал Виктор.

– Дело в том, что у меня личные счета с Борисом Двардовым... а также с его головорезом Михаилом. Но я предупредил, что это длинная история.

После они направились в дом, где Андрей начал свой рассказ. Они не догадывались, что в момент их знакомства за ними наблюдали.

Глава IV

На войне.

Афганистан. Шел 1987 год. До окончания войны оставалось немногим больше полутора года, но простым бравым солдатам это было не ведомо. Среди таковых были три брата: старший Михаил, средний Петр и младший Андрей. Самому старшему было всего двадцать четыре, Петру – двадцать три, а Андрею и вовсе – двадцать один. Михаил уже давно окончил службу, Петр полтора года как сошел с корабля северного флота, где он три года отдавал долг Родине, а вот Андрей же только-только вернулся со службы в элитных десантных войсках.

На самом деле, старшие братья и раньше стремились записаться в добровольцы, но они дали обещание младшему дождаться его и отправиться вместе. Они были недовольны, что даже после того, как Андрей обрел совершеннолетие, они все никак не могли отправиться на войну. Но все же спустя три года бюрократии, всевозможных отговоров и споров с матерью, которая так и не дала добро на «семейный Крестовый поход», и прохождения службы в учебке молодые и отважные воины Советов все же собрали необходимые документы и получили право отправиться в самую горячую точку 80-ых. К слову сказать, согласие матери они так не получили и отправились в тайне ночью, пока мама их мирно спала. Причина их решительности лежала не в патриотизме, который, кстати, тоже имел место быть; основная причина того, что они оставили родной Ленинградский дом, заключалась в мести. Все дело в том, что их отец был профессиональным военным. Такой классический образ советского офицера: человек чести, дисциплины и искренней любви к отечеству. Конечно же, все эти качества перешли и его детям, которые его безгранично любили. Была у него еще одна отличительная черта русского офицера: будучи в звании подполковника, он никогда не отсиживался в штабе и всегда принимал участие в реальных боевых действиях. Конечно, кто-то его осудит, мол, офицер, грамотно командуя и отдавая правильные приказы, принесет больше толка отчизне, нежели будет просто махать шашкой и в итоге падет смертью храбрых. Да, есть здесь доля правды, но порой боевой дух, закрепленный зримой верой в командование, творит поистине чудеса. Ведь слова кудесников об идее и реальный пример – совсем разные вещи. Но да ладно, дело не в этом, суть же в том, что сыновья, узнав о том, что отец пал смертью храбрых, дали клятву отомстить. И вот они здесь, в стране, что за всю свою историю так никому и никогда не покорилась... Ну, афганцы, собственно, никого и не побеждали, но, будучи постоянно битыми, продолжали оказывать какое-никакое сопротивление. Да и сопротивление их в большинстве своем было не более чем разбойничьи набеги. Ну да пусть, трех советских ребят это не волновало так же, как не волновали их политические реалии. Им нужна была кровь тех, кто пролил кровь их отца. А об остальном пусть думают другие.

После прибытия в аэропорт Кабула наших добровольцев сразу же направили другим военным самолетом в небольшой городок на юге Афганистана – Калат, граничащий с провинцией Гильменд, в которой было сосредоточено большое скопление «душманов». Именно в этом месте был убит глава семейства Странковых.

В защиту советского руководства нужно отметить, что вообще неокрепших юнцов сразу в пекло не отправляли, но этим вопросом занимался боевой друг покойного главы семейства, понимавший опечаленных сыновей, который принял решение удовлетворить их просьбу. К тому же, они уже прошли срочную службу, да и отправятся они туда с весьма закаленными боевыми ветеранами. Ребятами, видевшими уже ни одну бородатую морду, ни один бой и не одну

смерть как врага, так и своих товарищей. После короткого отдыха от перелета молодых братьев представляют старшему офицеру, сажают на бронетехнику и отправляют на фортпост, находящийся неподалеку от Кандагара. Всего в их колонне было девять БТР, два военных внедорожника и один танк среднего типа, возглавляющий движение. Петра и Андрея усадили в один из БТРов, следующего в центре колонны, а Михаила направили в один из внедорожников, идущего сразу за танком. Это вызвало в нем нотки возмущения. Не справедливо ведь, что братья едут на настоящей боевой машине, а он – всего лишь в машинке. Но таков приказ, а он еще с армии уяснил, что приказ не обсуждается, да и ему просто не хватило места. А еще, видимо чтобы прям позлить Михаила, его братья даже попросили ехать сверху броневика, но из соображений безопасности им было отказано. Да и путь был не близким, порядка 100 километров, что для путешествия на боевых машинах весьма не мало. Проехав некоторое время, Михаил даже обрадовался, что ему пришлось ехать в автомобиле, ведь внутри БТРа было намного жарче – если не сказать что горячо – чем на улице. Вообще эта страна не понравилась никому из братьев: кругом песок, да камни; безжалостное солнце словно пытало Ленинградских ребят, а местное население, судя по взглядам, вообще всех ненавидело. Еще бы, полудикие люди, повывлазившие из своих пещер, живя в подобных условиях, вообще могли ли бы быть дружелюбными?..

Подъезжая к ущелью, на Михаила накатило волнение: ведь они уже достаточно далеко отъехали от военной части, и кругом, даже за границей Афгана, были враги. И что может помешать этим врагам устроить засаду в ущелье, ведь лучшего варианта и не придумаешь. Михаил решил поделиться переживаниями с водителем внедорожника, который заверил, что для волнения нет причин, ведь фортпост уже совсем не далеко, и за этим участком постоянно наблюдают разведгруппа.

Слова эти совсем не успокоили Михаила, и он то и дело постоянно мотал головой из стороны в сторону, пытаясь обнаружить что-либо подозрительное. Заметив его волнение, водитель военного внедорожника с улыбкой сказал, что так часто бывает с «зелеными», вечно им что-то мерещится, а потом добавил, что такое поведение уже после десятка реальных боев пройдет. Человек ко всему привыкает. Даже к страху, который со временем уже более не беспокоит. Хотя это не всегда хорошо, ведь совсем бесстрашный человек рано или поздно становится безрассудным. Внимательно слушая боевого товарища, Михаил все вертелся на переднем сиденье, что сорока на гнезде, вдруг он увидел высоко над ними силуэт человека. Новоприбывший солдат даже наполовину вылез из двери автомобиля и принялся возбужденно говорить, сдерживая себя, чтобы не начать кричать.

– Там кто-то есть! – говорил возбужденный Михаил.

– Так, сержант, – уже не столь добродушно ответил водитель, – это уже перебор! Быстро сядь в свое сиденье и пристегни ремень! Не хватало мне еще, чтобы ты сломал себе чего по дороге!.. отвечай потом за тебя.

– Да я готов поклясться, что там кто-то есть! Посмотри же! – не унимался «зеленый», но приказ выполнил и ремень пристегнул. Водитель же то ли послушался, то ли сжалился, но в итоге посмотрел на то место, куда, как сумасшедший, тыкал пальцем его пассажир. Но ничего там не обнаружив, он одарил Михаила взглядом самого строгого школьного учителя, а после ответил.

– Я понимаю, парень, что ты нервничаешь – это нормально. Все мы люди и все... – не закончив мысль, водитель отвлекся на некий звонкий шипящий свист, который исходил именно оттуда, куда ранее указывал Михаил. Не прошло и секунды, как в возглавляющий колонну танк попал противотанковый снаряд. От точного попадания сдетонировала боеукладка. Башня боевой машины отлетела от танка и через мгновение врезалась в идущий следом внедорожник. Этого мгновения хватило, чтобы Михаил успел оценить ситуацию, и он попытался выпрыгнуть из машины, но ремень безопасности, пристегнутый минуту назад, знал

свое дело и никак не собирался отпускать парня. Словно булыжник, кусок металла протаранил боевую машину, искромсал ее и полетел дальше. Огромной силы удар пришелся на водительскую сторону, машину развернуло на 180°, и ошеломленный Михаил на том месте, где еще недавно сидел его боевой товарищ, увидел кровавое месиво, из которого невозможно было бы опознать человека. Только кровь, куски плоти, ошметки формы и груды металла, что напоминали смятую консервную банку, съеденную им вчера. Та же участь, что и водителя, постигла и солдата, сидящего за ним. Михаил даже не успел запомнить его лица. Воин, что сидел на заднем сиденье за Михаилом, так же был мертв – у него была сломана шея.

Страх и паника начали овладевать разумом, не давая освободиться от проклятого ремня и выбраться из поврежденной машины. Пальцы рук просто отказывались подчиняться, а к горлу уже подошел тошнотворный ком от запаха крови и смерти. Вместе с потом по лицу стекла кровь с разбитого лба. И вот победа над дуратским ремнем была уже близка, как рядом с Михаилом разорвался еще один вражеский снаряд, от взрыва которого парень потерял сознание. Он уже не мог видеть ожесточенного боя, в ходе которого, как по учебнику, из того же места запустили еще одну ракету в замыкающий БТР. Вся колонна оказалась замкнута. Двигаться нельзя было ни вперед, ни назад.

Западня, конечно, удивила воинов Советов, но не застала врасплох. Этих парней не застал бы врасплох сам дьявол, если бы он вышел с ними на бой. Да и не испугал бы тоже. Через секунду, как был подорван танк, водители боевых машин перегруппировались и развернули броневики боком, солдаты выпрыгнули и стали использовать машины в качестве щита. В БТР'ах остались только пулеметчики, которые вели прицельный залповый огонь по точкам неприятеля. Один из пулеметчиков продолжал вести огонь даже тогда, когда снаряд попал в его боевую машину, и он начал гореть заживо. Вдруг, на расстоянии около 250-300 метров по диаметру, из всех щелей, словно тараканы, стали выползать «душманы», окружая бойцов в кольцо. После четвертого выстрела вражеского гранатометчика одному из советских солдат удалось ответным выстрелом гранатомета уничтожить врага. После дюжины смертей своих боевики сбавили темп и принялись прятаться за укрытия.

Бой принял менее динамичный характер, и в это время Петр и Андрей предприняли попытку броситься на помощь своему старшему брату, на что получили приказ в резкой форме не высовываться. Михаил все так же сидел в кресле военного внедорожника без сознания или вообще был убит – никто не знал. Минут через двадцать после начала западни подлетели две наши вертушки и разгромили врага в щепки. Только после того ада на земле, что устроила наша авиация для врагов, братьям было позволено отправиться к истекающему кровью Михаилу. К счастью, он был еще жив, и его вместе с другими ранеными отправили на вертолетах в военный госпиталь, находящийся как раз на том форт-посту, куда они и направлялись.

После коварного боя стали подсчитывать потери: с нашей стороны было убито 13 героев и еще 8 ранено, уничтожен танк, два внедорожника, приведено в негодность два БТР'а. Со стороны «душманов»: 76 человек, причем гранатометчик, который унес с собой больше всех жизней, был европейской внешности и одет в совсем нетипичную для населения одежду. Что ж, как было сказано, наших бойцов окружали враги не только с Афганистана.

Глава V

Три Брата.

Снова придя в себя, Михаил уже не чувствовал столь нестерпимой боли, однако полностью она не отступила. Оглянувшись по сторонам, молодой человек понял, что кроме него в палатке-госпитале никого нет. Сколько он спал, ему было не известно. Сбравшись с силами, Михаил поднялся, принял сидячее положение и, как только собрался встать, почувствовал, что кровь ударила в голову, все закружилось, и он снова рухнул на свою койку. У него совсем не было сил. Спустя примерно 20 минут он предпринял еще одну попытку подняться. Встал,

но делать шаг уже не спешил, а лишь ждал, что будет дальше. Сделал шаг, потом еще и уже почти уверенно потопал по палатке. На одном из опорных столбов парень обнаружил зеркало и, не спеша, уверенно зашагал к нему. Взглянув в свое отражение, он увидел, что его голова практически полностью обмотана бинтами, за исключением правого глаза. Рефлекторно потянувшись руками к своему перемотанному лицу, Михаил услышал голос военного врача.

– Так, а ну быстро в койку! Разве я разрешал вставать? – в этот раз доктор был не так дружелюбен и говорил уже на «ты». Михаил опешил.

– Но, я просто... – не дав закончить, врач строго перебил парня.

– Солдат, ты на войне, и я старше тебя по званию! Даже не вздумай перечить мне! Я тебе не добрый доктор Айболит – шутки шутить не стану!

– Есть в койку! – Михаил старался говорить точно и внятно, но вышло не очень, так как его нижняя челюсть все еще отказывалась служить ему. После такого ответа доктор немного изменился в лице и подошел вплотную к Михаилу, после чего помог ему дойти до его койки.

– Ладно, ты не обижайся, устал я просто. Вторые сутки не сплю, – Михаил понимающе кивнул своей перемотанной головой и тут же пожалел об этом. В голове у него словно был кисель, болтающийся из стороны в сторону, и каждое движение отдавала болью с тошнотой. – Потерпи еще немного, не вставай с кровати хотя бы еще пару дней. А если захочешь в туалет, вот тебе утка, – как по волшебству у врача в руке оказался железный сосуд, который он положил на столик рядом с кроватью, – ну а теперь отдыхай и постарайся заснуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.